

СЕРГЕЙ ПАХОМОВ

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ДОРОГИ

Книга первая

ЗАТМЕНИЕ ЛИСТЬЕВ

Дорога в жёстком переплёте.
Преодолей её, мой друг,
Чтоб в приснопамятном полёте
Понять неуловимый звук...

УДК 821.161.1-1 Пахомов

ББК 84(2Рос=Рус)

П 21

Пахомов Сергей. По обе стороны дороги. Стихи. Книга первая: Затменьє листьєв. – Вологда, 2014. – 227с.

Листья в путь собрались по просёлку,
Я в посёлке зимую опять,
Буду дни, словно нитку в иголку,
Аккуратно и скучно вдевать...
На реке надо вырубить прорубь,
Обустроить дрова у печи,
Подлатать провинившийся короб,
Где набросаны стрелы лучин.
Клюкву сдать за вино, стеклотару...
Утром сена скотине задать,
И поддать в бане пару на пару,
И на пару с Иваном поддать!
Прихожанке Рождественской ночью
Половик водрузить на трубу,
А с её полоумною дочкой
Затянуть до рассвета гульбу!

В мире холодно, словно пусто...
Ни добра не видать, ни зла...
Рожь росла, разрасталась густо,
Полегла к земле, полегла.

В мире холодно... одиноко,
Нет ни правды в мире, ни лжи...
Индевея, шуршит осока,
Оступаясь за край межи.

В мире холодно, молчаливо...
Ни предательства, ни любви...
Облетевшая ночью ива
Стережёт берега свои.

В мире холодно, невозможно...
Ни вражды в нём, ни мира нет...
Осязаемый плач над пожней –
Угасаемый, зябкий свет...

Прежде, чем обратятся в пути,
Огрубеют степные дороги...
Вот и некуда больше идти
От слепой журавлиной тревоги.

Прежде, чем обратятся в пути,
До испарины вымерзнут русла...
Вот и некуда больше идти
От, прости, невесёлого чувства.

Прежде, чем обратятся в пути,
Распрямятся могильные склоны...
Вместо сердца во впалой груди –
Стук земли о кромешное лоно.

Прежде, чем обратятся в пути,
Прорастут поселенья травую...
Вот и незачем дальше идти
За слепой, постаревшей звездой.

ВИТАЛИИ РОМАНОВОЙ

Картофель в мундире из русской печи...
Я помню... как демон таился в ночи,
Дрожали дороги, шумела река,
Как дойное стадо, сгонял облака
Мой ангел-хранитель... Цветение лип...
Как юный зевака к забору прилип.

Не помню:
Страны, поселений, людей...
Ни расположение могилы моей,
Что стало, не помню,
С заблудшей душой...
Всё смыто из памяти тёмной волной.
Обрывки... осколки... несвязная речь,
Разломы в районе ошпаренных плеч.

Я – ангел... Постыдно и чуждо, в раю,
Ждать Господа Бога в парадном строю...

Я не найду себе кладбище,
От унижений почернев,
Где сердце пьяное отыщут
Коренья страждущих дерев.
Где безымянная трава
Доверчива и кропотлива,
Где ветер, дующий с залива,
Простые выдохнет слова...
Где ясный месяц молодой,
Бродя в разливах иван-чая,
Вдаль проскользнёт, не докучая,
Заметив крестик над землёй.
Моя заблудшая душа
Сюда не выправит дорогу...
Не знаю, к слову или к слогу –
Чертовски осень хороша!

Бор и поле сочувствуют взору,
Стог сомлел на задворках села,
Полыньи очернили озёра,
Как вдовицу молва и хула.

На селе одичалые люди
Бьют поклоны лыжне и огню...
Сидя в поезде, мы позабудем,
Что на днях прозябали в раю.

В захудалом и затхлом становье
Скудный ужин чадит на плите,
Шкура зайца откапала кровью,
Ужаснулась душа пустоте.

Как сволочь, волочится тьма,
Артачится ручей,
Мерцают мокрые дома
Чистилищем печей...
Заходит полночь на вираж,
Часы двенадцать бьют:
Окончен телерепортаж,
Обременён уют.
Пробьют часы: двенадцать, час...
Твоё окно горит...
Ночь, сквозняками заручась,
Деревьями скрипит.
В глазах угар печной и смог,
Промой слезой глаза!
Переступить нельзя порог,
И на порог нельзя.
Мой враг, злой рок, твой капитан
В такую ночь – майор!
А я – небрит, в осину пьян
Сегодня, и с тех пор,
Как двери в бездну невзначай
Открылись предо мной,
Печальный вспыхнул иван-чай
У края бездны той!
За нежеланье умереть
И нежить на земле,
Чтоб душу пьяную согреть,
Гробы я жёг во мгле!

Я озарял из темноты
Путь тысячам сердец
Огнём поэзии, мечты,
Сатурновых колец!
Я мертвецов заставил встать,
Вдохнул в них души! Да!
И мать моя, и Божья мать
Застыли от стыда!..
Крадётся ночь, горит окно,
Пустой горит стакан...
Помилосердствуй, Катя... Но
Твой юный капитан
Закончит службу через час
И, сбросив кирзачи,
Попросит на ночь чёрный чай
И райские ключи!
Я тошнотворного вина
Налью себе в бреду...
А ночь темна, а ночь без дна,
Как ясный день в аду!

Остановись, где снег тяжёл,
Погода на сносях,
Где вся Россия – частокол
О вздыбленных гвоздях!

Посей зерно, свяжи снопы
И, нарубив дрова,
Дождись в извилинах избы
Мороз на Покрова.

Похлёбка есть, и рыба есть,
Картофеля – зело...
Чердак холстиною завесь,
Чтоб снег не намело.

Едва объяснится денёк,
Навёрстывай лыжню
До леспромхоза... Путь далёк –
Проведывать родню.

Наутро, выхлебав рассол, –
Завьюжена стезя –
Уйди туда, где снег тяжёл,
И где Россия вся!

Стога, нахохлившись от стужи,
Тянулись к дыму деревень,
Трещали розничные лужи,
Знобило вишню и плетень.

Старик, закуривая, чиркнул
По льду тележным колесом
И на подворье въехал чинно,
Гремя слежавшимся овсом.

Я постоял, дышать морозно...
Сквозь полночь, как сквозь полотно,
Прозрев, просвечивали звёзды...
Сквозь наши души – заодно.

Не дождь... ночь влагой моросит,
Сверкают бледные зарницы,
Сегодня душу навестит
Мой Бог... Мне это снится...
Не выбираясь из тенёт,
Душа, как птица, замирает,
Мой Бог услышит, он придёт,
Бог не бросает...
Среди заоблачных садов
Мигают звёзды.
Произойди на пару слов,
Пока не поздно.
Листва, затеявшая бал,
Кружит над лугом,
Я Бога, видит Бог, позвал,
Позвал, как друга...
Не указующим перстом
Души коснись оцепенелой,
Приди за делом, поделом,
Промежду делом.
За нежной пригоршней воды,
Краюхой хлеба... за любовью...
Я окроплю в саду следы
Твои – бессмысленною кровью....

День отошёл... Усопшей пашни
Пар задержался у берёз,
Свет звёзд обыденных, вчерашних
На вырост вымерял погост.
Вода дрожала в углубленьях
Земли... На ферму шли стада.
Мир обретался на коленях:
Воспоминаний череда.
Всё поглотившая досада
Из-за погубленной любви –
Листвой обугленного сада –
Сжигала ненависть в крови!
Я не поставлю под сомненье
Дни, проведённые с тобой,
В душе растёт остервененье
Расправы ветра над водой...
Изобличён мой тёмный гений,
Как ловкий, но тщедушный вор,
В растрате патоки мгновений
Из ульев вечности... Позор.
Как говорят в народе – время
Врачует избранность и скорбь.
Молись, и радуйся со всеми,
И спину – радугою – горбь!

Авось смиреньем и молитвой
Доймёшь Всевышнего... и он
Кромешной молнией, как бритвой,
Венозный вскроет небосклон!
Сердцам настанет избавленье,
Кровь неприкаянной вины
Уйдёт, как слог в стихотворенье,
Как снег под натиском весны...

Я хочу, чтоб зимним утром
Бог не вспомнил обо мне,
Осыпаясь перламутром,
Рыбы прятались на дне.

Чтобы ветры, налегая
На холодные луга,
Не пинали, не лягали
Аккуратные стога.

Беглый месяц на ущербе
Не прокалывал бы туч,
Чтобы вылинявшей вербе
Не был зазимок колюч...

И глаза твои смотрели
Безучастно на меня,
Был бы слышен – еле-еле –
Скрип уставшего плетня.

Издалёка дочь и сын мой
Не успели б на погост,
Только изморось да иней –
Вместо вымученных слёз.

Лист опускается с одышкой
На землю, чахлый и смурной,
Укрылась облаком, как крышкой,
Деревня... Вслед за бороздой,
Держась за небо и чепиги,
Тоскует пахарь. Мерин сив.
Холодный, рваный из чапрыги
Доносится синичий чив.

Преображение природы.
Угрюмый Воланд в конуре...
С морковкой снежные уроды
С утра толпятся на дворе –
Где вислоухие ушанки,
Взлетая, падают на снег,
И, словно вывернут с изнанки
Изнемождённый, эхом, смех...

Но гонит, гонит ночь святая
Глухие тучи по степи,
И память, как жена босая,
По половицам проскрипит...

ВЧЕРА

Странно... странно происходят
В жизни страшной чудеса...
То уходят, то приходят
Ангельские голоса.

Голос пел во время смуты
О дороге... о любви...
Покрывались перламутром
Кудри вешние мои.

Ныл от боли, выл со страха
И поддерживал, как мог,
Окровавленной рубахой
Я заматывал висок.

Вопреки страданиям нашим,
Слышу, слышу голоса,
Надо мною, смерть поправшим,
Испаряется роса.

Надо мною в лунном свете
Птицы гаснут... а в дому
Развели смешные дети
Чехарду и кутерьму.

Я пришёл на перекрёсток
Двух неведомых дорог..
Понимаю, кто мой крёстный..
Бог..

Вечер зимний и тёмный – ни иголки, ни зги,
Средь сыпучей позёмки шелест звёздной лужги.
На вершине утёса недостроенный тёс,
Стынет дальше плёсо в небывалый мороз.

На полях неуклюжий след крестьянских саней,
В окаянную стужу не сыскать глухарей...
И луна одинока, словно прорубь без дна,
Как господнее око на иконе окна.

Мне снится нежная пора,
Безжалостная как забвеньё,
Когда, покажется, пора
Оставить Богу вдохновенье –

Неотвратимо прозябать...
Леса и пажити в округе,
Оставить дочь, оставить мать,
Остервенение – подружке...

Оставить жалкие стихи.
Вдове, склонённой над постелью, –
Необратимые грехи,
Крест обжигающий нательный.

Оставить ангела смотреть,
Зело присматривать за вами,
Чужое небо – пламенеть
Над облаками...

Выполов звёзды, пришёл.
Лязгнул амбарный замок.
Руки упали на стол.
Время точило песок.

Силы нет больше и зла.
Волчье желание – выть.
Смачно по стёклам стекла
Студь, ну, а по сердцу – стыдь.

Жизнь – безголосая хмарь,
Выцвет в кромешной душе,
Всякая божия тварь
Да убоится уже.

Взял из чулана ружьё,
Вставил последний патрон,
Над опустевшим жнивьём
Вспыхнула стая ворон.

Давным-давно я слышу долгий скрип...
Телега осени, крестьянская недоля.
Морозный утренник, случайный белый гриб,
Усталое, седеющее поле.

В деревне прозябать невоготу,
Притворствуя бездарно селянином,
Закапывать, как зёрна в борозду,
Мгновенья участи тяжёлой и былинной.

Немотствовать под бременем земли,
Среди картин знакомых и прекрасных:
Морозный утренник, грибочки, журавли...
Великие и тихие соблазны.

Влюбиться – и беспечно закружить
Себя семьёй, заботой по хозяйству,
А можно – пить, бродяжить, ворожить,
Плевать в лицо уездному начальству –

До той поры, когда из темноты,
Над жизнью тешась вымученной, сучьей,
Исчадья поздней осени – сады –
Оскалят окровавленные сучья.

Ночь опустилась на кровать,
Деревья бросили поводья,
Недолго спать, немного знать –
Позавчера, сегодня.

Свежо, и кажется, что ночь,
Легка и бархатиста,
Собралась в ступе истолочь
Всё звёздное монисто.

Осколки света, как стекло,
Рассеяны в природе,
И на душе моей светло,
Спокойно, вроде.

Таких – побольше бы ночей,
Лояльных и туманных,
В них нет тоски твоих очей
И птиц нет караванных.

В них нет того, что мы зовём
Сосновою дорогой,
Последним судоходным днём,
Прощаньем с Богом.

Близко время захода,
Так и звёзды сгорят.
Я увидел природы
Преднамеренный взгляд.

Невзначай не заметил
Обезглавленный век:
У скрипучей повети
Умирал человек.

Наступали потёмки,
Догорала звезда,
И стучали негромко
По степи поезда.

Смерть – ещё не разлука,
Полночь озарена,
Дай мне мёртвую руку –
Холодна, холодна.

Я глядел, чтоб не видеть,
И спешил не успеть –
Заслонила мне Витю
Сердобольная смерть.

Четыре осени запомнились душе...
Одна, как водится, светла, тяжело-медна,
Дождь, показалось, канувший бесследно,
Отыщется пичугою победной
В соломою шуршащем камыше,
Где воздух чист от дуновенья ветра.

Другая осень – горько-солоня.
Увесиста небудничная ноша,
Краюха пепла, толика вина,
На перепутье долгая сосна
Скрипит, как под полозьями пороша.
Рыдает женщина, склонившись у окна.

О третьей: невозможно позабыть
Рассвет недообугленно-кровавый.
Прекрасный мир, жестокий и неправый,
Чужого горя, словно для забавы,
Сквозь сердце перематывает нить,
Я слышу: кровь в лучах ничейной славы.

Последняя... Обыденно окрест,
Объято мглой, туманной поволокой,
Лишь изредка, то низко, то высоко,
Луны невыразительное око
Воспрянет у прогалины небес
Взглянуть, как прячут в землю кокон.

Переливаются люпины,
Переливаясь в облака.
Дорогой пыльной и глинной
Плетусь на свет березняка.
Не по душе мне копошенье
В богатом ягодой лесу,
Наобещал – на удивленье
Домашним – гору принесу.
Но подкрадётся незаметно,
Прозрачной лёгкостью дыша,
Прохладный вечер... тихим светом
Вспорхнёт над вечером душа.

Ноябрь за дворами. Дворы,
Покрытые жухлой листвою,
Ещё дотлевают, как будто костры
Последних цыган над рекою.
Но тронулся табор...
Храпенье коней,
Знобящие душу тележные стоны.
Да шёпот умершей прабабки моей,
Да тень возле гиблой иконы.
Ноябрь подступает. Дворы,
Покрытые жухлой листвою,
Дотлеют...
Зимою не знать детворы
Дворам, обречённым покою.

Осыпается ветер пожелтелой листвою,
 видя стаи спешащих на юг,
потревоженных птиц.
По дороге домой над своею судьбой
 я задумаюсь вдруг.
Я колоду-судьбу, словно ветер в трубу,
 разрубил, разломал на щепу.
И пожёт всё дотла – не с добра, не со зла,
 поминай теперь – пепел, зола.
Осыпается ветер пожелтелой листвою,
 в небе – к югу – разжатая горсть
потревоженных стай.
А дорога домой /я сверну по прямой/
 обогнёт деревенский погост.

Страшно, страшно
За редкие листья,
Что легли в непролазную грязь,
По ухабам разъезженных истин
Не пройти, ничего не боясь.

Страшно за...
За случайных прохожих.
Леденящая жуткая мгла
Сыплет снег,
Словно моль из рогожи,
На оборки слепого села.

Страшно за...
За родные берёзы,
За покрытые льдом родники,
От мороза промёрзшие слёзы.
Страшно за...
Не-дрожанье руки...

Понимая немного,
Вербы помнят о нас,
Реки, небо, дорога,
Нержавеющий наст.

Помнит Бог, ожидая
Нас в холодный чертог
Недоступного рая,
Помнит алчущий Бог.

Только я не припомню
Скрип крестьянских саней,
Рыболовную ловлю,
Беглый клин журавлей.

Не припомню, что жил я
Там, где чах зверобой,
Выжав крови из жил для...
Выжив... но не с тобой.

Может быть, и ошибаюсь,
может быть...
Дождь идёт, не унимаясь,
плачет выпь,
плачет мать у колыбели,
плачет дочь.
Плачут ясные на небе звёзды, ночь.
Плачет иволга, дорога,
череда берёз...
Смерть у нашего порога
не жалеет слёз!..

ЭЛЕГИЯ I

Душа недолюбившая остынет
Листвой на дне дремучего колодца,
Звездой, вмёрзшей в лужу на дороге,
Чего уж горше? – мушкой между стёкол.

Отсрочен час глухого умиранья!
Отчаянья, раскаянья немого!
Безмолвье – узнаваемо словами.
Бессмертие – словами объяснимо.

А мир, что неизменно неумолчен,
Привычно дерзновен и скоротечен,
Как пар земной, стремящийся отвесно
К высокопарным, безучастным звёздам.

В конце дождей становится жестоким
Милейший лес, дрожащий и скупой,
Поля щетинятся останками осоки,
Гудят стога нестройною толпой.

Предзимье – наваждение природы,
Обыденность исчезнет без следа,
Оцепенеют каторжные воды,
На дне пруда окажется звезда.

Уснёт земля, уснёт неотвратимо,
Погаснут близлежащие огни,
И Млечный Путь, как посох пилигрима,
Останется на избранном пути.

В глуши пролетарского рая
Чуть теплятся своды церквей.
Мне кажется – я умираю
Душою усталой своей.

Здесь мир – круговая порука,
Извечное небо, как лёд,
Народец, охваченный скукой,
Шатается взад и вперёд.

Иду в Дом отборной культуры
Чужим переулком глухим
И вижу – чванливые куры
Клюют пополуденный дым.

На танцах пьянящие парни
Прольют грязной крови парсек,
Советские хроники Нарнии
Одобрит с портрета генсек.

Но лучше, спокойней – к соседу,
Где плавится брага-бурда,
Мне кажется – я не уеду
Отсюда уже никогда.

Гнездилося сонце неспеша,
Снега ютились вдоль обочин,
Укрылась суледью межа,
Поля чернели у проточин.

Над оголтелою ветлою –
Грачей сварливые кочевья,
Вечерний воздух пах смолой,
И лёгок воздух был вечерний.

Где стародавний тёмный бор
Стерёг оседлые сугробы –
Осыпавшийся косогор
Сушил оттаявшие гробы.

Благоухала тишина,
Как мёд, настоящий на травах,
Ручьи, журчащие в канавах,
Привычно высохли до дна.

Гул невозможных комаров
Не омрачал тишайший вечер.
Печатью вечности отмечен,
Сгустился всенощный покров.

Беспрекословною травой
И поражён, и ошарашен,
Среди распахнувшихся пашен
Обезголосел козодой.

Душа, рванувшая на свет,
Свалилась в ад к шестой цезуре,
Поэт обиделся и сдури
Подвинул к петле табурет.

Наутро мир остервенел,
Орали пьяницы в проулке,
Жена достала из шкатулки
Листок, белеющий, как мел.

Я молился за тебя,
В проливном окне
Исчезали тополя
Ветками к луне.

Я молился за тебя,
Пристяжной вагон
Рассыпался, мать-земля
Обнажала склон.

Я молился за тебя...
И попутчик-Бог
Улыбался, теребя
Праведный висок...

СТАНСЫ

Сентиментальные мечты...
Исповедальная разлука,
Реки манящая излука,
Саднящий холод пустоты.

Грибов осенний марафон,
Заката красная жаровня,
На сходе лет, на склоне лон
Мы не становимся духовней.

На посиделках между звёзд,
В грязь упadaющих, как листья,
Я... жизнь и вёдра перенёс...
На коромысле.

Не жаль умерших деревён,
Ушедших в летопись, как в ил.
Не прижился сыновий дёрн
На склонах дедовских могил.

Сюда не ходят поезда,
И время мается в глуши,
Холодной осени вода
Не согревает камыши.

Один старик, что тяжело
Ведёт вдоль берега блесну,
Да одинокое весло –
Обременяют тишину.

Один и я, среди ветвей
Кидаю леску над плотом,
Но, кроме перистых ершей,
Червя не празднует никто.

Отаборился: выпил, отдохнул,
Среди дороги выбрав бугорок.
На вмятый грунт побритых плохо скул
Скатилась, не спеша, наискосок,
Слеза. Сморгнул, добавил по второй
И, глухо опираясь на костыль,
Пошёл домой дорогой дорогой,
Превозмогая заволочь и пыль.
Никто не повстречался у плетня
И не окликнул: «Господи прости»,
И сельская смешная ребятня
Не предложила сумку поднести.
Изба, за полусгнившею избой,
Назойливая злая тишина...
Подумал, притворяя крест рукой:
Досадно, что закончилась война
Афганская. Когда бы так пришёл
Отец, с Отечественной – лучше пулю в лоб...
И хрястнул ордена свои об стол,
Как гвозди проржавевшие о гроб.

Ты сама виновата во всём,
Гулкий воздух морозом иссушен,
И звенят полоза под окном
По мою неизбытую душу.

Не жалея ты меня, не жалея,
Может статься – к исходу недели
Бросит жизнь, в изголовье саней,
Мне венок ошалелой метели.

Молвит друг: он был нами любим,
Скажет враг: мы его не забудем,
И сойдутся за гробом моим
Одинокие люди, как люди.

А в награду за каторжный труд
Будет свечка гореть на пригорке,
Да на взрыхленный снег упадут,
Словно слёзы, скупые иголки.

Я забыл, как бывает
В мире этом чужом,
Как пурга завывает
Над озимым стеклом.

Как в ночи прорастает
Пламя хрупкой свечи...
Я забыл, как бывает
Одиноко в ночи.

Где ты бродишь, подруга,
Где скитаешься ты?
Подорожная вьюга
Заметает следы.

Я забыл, как любила
Ты сидеть у огня,
Я забыл, что забыла
Ты навеки меня.

Так свеча догорает
И уходит в распыл...
Я забыл, как бывает,
И как будет... забыл.

Я боюсь, что ноябрь задует
Золотые берёзы свечей,
Что кукушка года откукует,
Опрокинется навзничь ручей...

Ослеплённые снегом дороги
Не поймут, кто идёт, и куда...
Выйдет месяц крутой, круторогий,
Опрокинется навзничь звезда.

Если здесь зимовать до погоды,
Горевать-бедовать, не спеша,
Наземь, как на озимые всходы,
Опрокинется навзничь душа.

В тишине этой редкой,
Посредине зимы,
Только птицы на ветках
Просят зёрна взаимы.

Непрестанно сутулясь,
Как обычно, одна
Вдоль застенчивых улиц
Тихо бродит луна.

И туман, как томленьё
Подувавшей воды...
И холодное жженье
Запоздалой звезды.

Я в такую погоду
Никуда не пойду,
Ни по свет, ни по воду,
Ни во церковь к Христу.

Для Крещенья, касатик,
Выбрал зябкие дни –
Просидят на полатах
Христиане твои.

Пронырливые звёзды,
Настырные вполне...
Осточертело ёрзать
На мокрой простыне.

Пойдём, продолжим, в сени,
В чулан, куда-нибудь...
Холодные колени
Упёрлись нежно в грудь.

«Божественно», – вопил бы,
Орал бы: «Повезло...» –
Когда не полюбил бы
Тебя – другой назло.

Когда межа засыплется листвою,
Дождь простучит по крыше напролом,
Прожить наедине с самим собою –
Не проще, чем размашистым дождём
Расшатанные смазывать запоры...
Передвигать под петлю табурет,
Выстаивать часами под забором
И не услышать правильный ответ.
Разбросана, как срезана кинжалом,
Листва в инакомыслящей грязи.
Судьба, не вызывающая жалость,
У сосен, приоткрывших жалюзи.
Неясное сознание потери
Одну на свете душу тяготит,
Прискорбно кот мяукает у двери,
Наотмашь дождь цепами колотит.
Прощай, обожествлённая природа.
Затменье листьев, глазу маета!
Не отличать заката от восхода –
Исполнилась заветная мечта.

Торжествовала темнота,
Скудели звёзды постепенно,
Мой мир – подобие холста
С рисунком маленьким Вселенной,

Где бабочек полночный хор
И свод кузнечиков не знают,
Что суетой обременяют
Давно уснувший косогор.

Не зная дальних рубежей,
Не понимая расстояний,
Душа качнётся и отпрянет,
Страшась ли дерзости своей?

Нет – хрупкой алчности миров,
Средь ускользающей Вселенной,
Где угасают постепенно
Остатки звёздных островов.

Меня похоронит чужая семья,
Году, этак, в тридцать шестом,
Тогда на мгновенье умолкнут поля,
И солнце склонится за дом.

Вослед заморгают живые цветы,
Глаза протирая росой...
Навеки уйду я... Останешься ты,
Деревня и месяц босой...

Подумают рыбы на завтрашний день:
Куда подевался рыбак? –
Не видя моё отраженье в воде,
С простыми снастями в руках.

Подумают ветры, созвездья, кусты,
Подумает всеу Господь...
Навеки уйду я... Останешься ты
Привычные грядки полоть.

Аукнется эхо... очнётся луна...
Скользнёт по дороге лучом –
Увидит: глухая могила одна
Сосну подпирает плечом.

Мороз подкрался иноходью, поле
Застыло над верховьями борозд,
Лес проржавел, как трактор на приколе,
И стали различимы тени звёзд.

Луна в ущербе, как-то без возврата
Осунулась, обуглилась трава.
Изба преобразилась угловато,
Помыслив, мыши вышли из угла.

Вселенная, забывшись на мгновенье,
Гигантский обозначила скачок,
Предвосхищая всеобщее пенье,
Рванул смычок растерянный сверчок.

Душа, теряя все ориентиры,
Рвалась за мириадами светил,
Задворки ускользящего мира
Увидела, и след её простыл.

Скачет стук –
журавельный поклон,
Журавлиный испуг.
Вьётся звон.
Шебуршится листва
придорожной ветлы.
На медовый отвар –
сон келейной пчелы.
Сон озимых полей –
на беременных жён.
Сну любимой моей –
журавлиный поклон.

Я не пишу о родине с тех пор,
Как, спившись, вымерла деревня,
С тех пор, как выцвел косогор,
И оцетинились деревья.

Я не пишу о родине с тех пор,
Как город, где я рос и где родился,
Ослеп, скукожился – Измайловский простор
В неутолимом чванстве растворился.

Я не пишу о родине теперь...
Я перед этой заповедью замер,
Как загнанный, отчаявшийся зверь
С горящими, потухшими глазами.

Отдай мне всё, что я боготворил,
В глуши двора от ветра скрипнул ставень...
Я о Тебе так часто говорил,
Молил тебя, а ты меня оставил.

Верни мне землю, юность, косогор...
Терпение, любовь и час покоя,
Я не пишу о родине с тех пор,
Как жадною мольбой не беспокою

Тебя... Но жди. Я жив ещё пока...
Зачти мне это помутненье.
Дрожит, но властвует рука.
Душе нисходит вдохновенье.

Если я не приеду весной,
Не печалься, не плачь обо мне,
Значит, где-то в родной стороне
Повалил меня ветер степной.

Если я не приеду весной,
Поскорее меня позабудь,
Значит, где-то пробитую грудь
Мне латает сорняк полевой.

Если я не приеду весной,
Значит я, убоявшись волков,
В землю вмёрз, хоронясь под ветлой,
Не кручинься, мне было легко.

Если я не приеду весной,
Я уже не приду никогда,
Значит, где-то речная вода
Поднялась, как трава, надо мной.

Осыпался дождём, опёршись о костыль,
Скоропостижный вяз на ширину дороги,
Росою проросла полуденная пыль,
Бредут на водопой стога-единороги.

Я обещал тебе служить поводырём –
В глухих разводах сна, развалах тёмной яви,
Унизить небеса под сводчатым дождём
До уровня окна, до нищего в канаве.

Я обещал тебе приблизить здешний мир,
Загнать заподлицо, не удостоив зренья,
Прощальный сотворить усопшим душам пир
И Библию втолкать в одно стихотворенье.

Я обещал тебе, как обещал Христу,
Что выдворю тебя, захлопнув дверь снаружи,
Когда увижу сам, почуяв за версту,
Движение земли, остереженьё стужи.

Ноябрь снег наспал. К обеду
Весь каолиновый окрест –
В лице детишек – в дом соседа
Кидал снежки... Церковный крест
Дрожал от холода и ветра,
Луна задёрнулась оплечь,
Я, прошагав полкилометра,
Вернулся, чтоб огонь разжечь
В печи проверенной – угары
Страшней с приходом холодов,
Учительской не стало пары,
Считай – одиннадцать годов...
Из городища... неумехи,
Купили домик у реки
И не заметили прорехи
В трубе... Скупые бугорки
Я обхожу, когда погостом
Иду проведывать своих...
Молюсь за всех, умерших просто,
И крайне редко за живых.

Провожали меня в непроглядную ночь
Одичавшие ветры полей,
Я прошёл, где пройти оказалось невмочь
Никому из твоих сыновей.

Но усердная смерть не всегда ко двору,
Я дрожал, опоясанный сном –
Как гудящий, на грязном хазарском пиру,
Череп, отягощённый вином.

От обильных ножей пролетарских отчизн,
От ночей, чьим разбоем крещён,
Я цеплялся, как тать, за пропащую жизнь
И, как тать, был повешен, прощён...

Я оплавлен, как воск молодых тополей,
Я низложен, как осыпь земли,
Отряхни меня, что ли, песком с кирзачей,
Я – лежать – не останусь в пыли.

Я не стану звездой простодушных небес,
Чтобы летом, когда звездопад,
Ты меня уронила на поле, на лес,
На могилы убитых солдат...

Чтобы, тёплым дождём умываясь, ветла
К моему прикасалась плечу...
Я не умер тогда – ты тогда умерла...
А теперь умирать не хочу.

По обе стороны дороги
Холодный, светло-голубой
Струится лес, такой же строгий,
Как взгляд, оставленный тобой.

Да, ты права: я был, как ветер,
Что праздной тешится листвою...
Но я люблю тебя... лишь этим
Я виноват перед тобой.

СТИХИ СЕРГЕЯ ЧЕТВЕРГОВЦЕВА

Ни золой, ни смолой,
Ни орлиным пером,
Ни огнём, ни мечом, никогда,
Ни прямым, ни косым,
Ни окольным путём
Не доплыть, не доехать сюда.
Ни зэка,
Ни агентом ЧеКа никогда,
Страстотерпцем, никем никогда,
Напролом, как весною вода, никогда,
Никогда, как весною вода.
Никогда
Ни живьём, ни былём,
Ни крестом, Иисусом Христом,
Ни твоими, моими – чужими шагами:
В бой роковой мы вступили с врагами...
И теперь навсегда никогда.

Воют волки во мгле за околицей,
Человецы устали звереть...
Бог – не фрайер, навряд ли расколется –
Четверговцеву где умереть?

О, муза белого безлюдья!
От городов и сёл вдали –
Ты свежим ветром пополудня
Роняешь листья до земли.

Как мореход, неторопливо
За путеводною звездой –
Ты преданно и молчаливо
Моей главенствуешь судьбой.

Глаза, обугленные скорбью,
Твои горят, отомщены –
Врагов погубленные орды
Травой забвенья сочтены.

Прошу – склонясь к могильной яме,
Ты справедливою рукой
Осыпь победными хвоями
Мой гордый череп неживой.

Заиндевевшие сады,
Вам пробил час, пристало время.
Остервенение воды,
Плеяд испуганное племя,
Лавины гор, к исходу дня
Сраженье листьев – икебана,
Что не укрылось от меня
Чересполосицей тумана.
Заметны образы в саду,
Как отсвет молний,
Вслед за которыми бреду
В садах иных – сады безмолвны...
Где нет свободы суете,
Случайный Дант – столпотворенье,
Что достаётся пустоте –
Сверх-гениально, без сомненья.
Остолбенел и рухнул сад,
В пространствах утрешних, внезапных
Перемешались невпопад
Восток и запад.

Стать бы белой сиренью
Под открытым окном,
Стать бы Разиным Стенькой
И махать топором.

Стать бы рваною раной
И не кровоточить,
Встать бы утром не рано,
Чтобы ног не мочить

О росу, о позёмку
Безымянной листвы...
Да набить бы котомку
Тем, что бросите вы.

Босым странником нищим
Стать, скулить перестать,
Как собака о пище.
Слышишь, родина-мать?

Мама вряд ли услышит –
Глуховата, стара...
Стать бы чуточку выше –
Ясным сердцем костра!

Позарез, как по горло
Нахватавшись небес,
Сильным стать бы и гордым,
Стать бы добрым, как лес.

Намело набело.
А вчера – осень.
Птицы кричали.
Сегодня молчат.
Ровно восемь.
Ходики бренчат.
Гляжу в окно.
Во двор напротив.
Снег протален чужим сапожком.
Провожать не просишь.
Встречать не просишь.
Брезгаешь дружкой.
Барыне – барин.
Птицу по полёту.
Зря с мужиками пьёшь вино.
Намаешься – во-то!
Придёшь под окно
Причитать да плакаться,
Заламывать руки:
Куда я с ребяточком одна?
Видимо, хватило
Кобелям суки,
Прозябай одна.

Обидишься, гордая.
Голову вскинешь.
Держать не буду,
Всё одно – уйдёшь.
В Питер или Вологду,
Стольный Китеж...
Что ж...

Саднит приговорённое желтеть,
Ручей – центростремительней и хлеще,
Гораздо пристальнее, выцветший на треть,
Сохатый бор, просветливее рощи.
Моя земля не может умереть:
Так деревце, залапанное снегом,
Дыханием пытается согреть
Крестьянскую забытую телегу...
На самой непроглядной глубине
Дневные звёзды стучаются лбами,
И рыбы, возлежащие на дне,
Их шевелят прохладными губами.
Дощатый наст, в сиянье голубом,
Порошей, словно саваном, подёрнут,
Трещит, как скорлупа под каблуком,
И эхо поворачивает зёрна.

СТАРАЯ БАЛЛАДА

Часовня к дереву прислонена...
Старее дерева, мне кажется, она.
Стар ворон, что на дереве сидит,
Стар мир, в который ворон не глядит...
И месяц стар. У берега реки,
Чадя махоркой, спорят старики,
И старый сом, что в старице живёт,
Их вечный спор послушать не плывёт.
В лесу на отдалении версты
На староверском кладбище кресты,
Как рёбра устаревшие стропил,
Гниют себе в просветах меж могил.
Состарившись в безмолвии веков,
В земле томятся груды черепов.
Мужчина, утонувший молодым...
Жена, не отскорбевшая над ним...
Купчишка въедливый... Под сенью древа – вор...
Монах... судья, не разрешивший спор
Наследниц знахаря... Израненный солдат,
Чьё сердце ордена не охладят.
Влюбленные... – счастливая судьба:
Друг к другу пододвинулись гроба! –
Лежат во тьме, и след навечно стёрт,
Столетний дуб над ними распростёрт,
Что ни весна – стремится расцветать.
Ты – древом был! Ты должен гробом стать!
И ворон твой... и я... и все мы, все...
Уместимся в былой твоей красе.

Звук изнуряющий, пустой...
Звук, ледящий сердце, душу –
Как смерть, идущая за мной –
В деревне ходят колотуши.

Обезопасены гурты
В период засух...
Свет новоявленной звезды
Осыпал насыпь.

Почти недвижима, в окне –
Как на приколе –
Звезда указывает мне
Дорогу в поле.

В осенний месяц скука ест
Дождём размытое селенье,
Туман, как белое смятенье,
С рассвета мается окрест.
Дорога вовсе не видна,
Промозглых яблонь силуэты
Едва приметны из окна,
А где-то...
Унылый дятел довершил
Свою работу гробовую
И тихо голову сложил
На боковую.
И можно дверь не запирать,
Чтоб слышать,
Как под полом скребётся тать,
Так пляшут мыши...
Наверно зная, что войдут
В дом, в кладовую...
Едва хозяина свезут
На боковую.

Снег идёт беспробудный –
оловянный, слепой...
И поэтому трудно
не уехать домой.

Ты подумаешь, я здесь
ради прошлой любви,
и поэтому ясен
по колено в крови.

Ты надеешься, снова
сможет сердце стучать,
и поэтому слова
я боюсь прокричать.

И поэтому блёклый,
целый день напролёт,
по застенчивым стёклам
опускается лёд...

ОСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Шорох листьев – это порох, кум?
Зачерпнул ногою ворох – шум.
Лейся, песенка лесная: «ш-ш-шом».
Снова слово пригодилось: «нагишом»...
Нагишом – ногою шаркать по меже,
А не с Танею, на пару, в шалаше...

ЛЕС

/аллегро/

Утро тенистое,
приземлившиеся ночью
мухоморы-парашютисты
с кочки на кочку,
под сосны-ели,
травами, мхами,
красно-белые,
машут руками.
Птица: «тень-тинь-тень»,
с пня на пенёк,
затем на мох,
на мухомор,
глупая птица,
он не годится –
мухам мор –
мухомор не корм!
Мох мурлычет
под сапогом,
эхо покличу:
«Э-хо-о-о...» –
по деревьям,
по облакам –
шишка к ногам!
Славное эхо,
комариный писк,
словно летящий
со свистом диск.
Дятел тут как тук,
за шиворот
упал паук –

карабкается, щекочет,
выкарабкаться хочет...
Шиворот-навыворот –
паука вытряхнул.
Нашёл маслёнка –
скользящая плёнка –
в пелёнках мха...
Дирижёр – ольха,
сцена – бугор,
на бугре
мухоморов орущий хор –
дразнятся;
один важный –
как «утюг бумажный» –
даже свистнул дважды.
Погоди, друг, я тебе...
Впереди – стук,
дятел, скажи,
где прячется
чудо-боровик,
боровый князь, а?
Вижу!
На бугорке,
на солнцепёке,
стоит, подбоченясь,
статный, высокий
боровый князь.
Назвался князем –
полезай пузом,
рядом
с груздем грузным
в кузов!

Принимали соседей в дреколье,
Шли в замужество, резали клёш,
Череззерницей вызрела в поле
До конца не досжатая рожь.

Дождь, изрядно за день надоевший,
Обращался к природе на «вы»,
Я в сарае, по брюхо просевшем,
Ворошу разноцветье травы.

Фантазирую, видя погоду,
Что в ином, непостижном краю
Процветает иная природа,
Незнакомые ветры поют.

Дыры в рощах залатаны елью,
Беспорядочен крик журавлей...
Я умру без египтов и бельгий,
Без Эллады любимой моей.

ЗВЁЗДНАЯ РЫБАЛКА I

Один сезон нам Бог – снеток,
Другой сезон – сазан...

Млечный путь замутнён и отловлен
В наши сети, без всяких прикрас.
Преломлённый, почти переломлен –
Над рекой запрокинулся вяз.
Средь камней – окуньё и налимы...
Острогами, шурша на ходу,
Рыбаки, проплывавшие мимо,
Укололи шальную звезду.
Рыб созвездие сумрачным утром
ИндеVELO на отмели... Что ж...
Две галактики, нетто и брутто,
Навсегда уходили под нож.

Осыпаются звёзды
На верхушки оград,
Оступаются вёрсты
Невпопад, наугад.

Темнота догорает
В закоулках зарниц,
Благодать ниспадает,
Как слезинка с ресниц.

Обнажённые ивы
Взял мороз под уздцы,
Прочь с полей сиротливо
Улетают скворцы.

Оплавляется свечка –
Холодна, горяча...
Дерева подле печки,
Что рубили сплеча.

Обозначилась ноне
Смерть, как снег на крыльце...
Сам Господь на иконе
Изменился в лице.

Я открыл: извинилась,
Мол, ошиблась... ушла,
На господнюю милость,
Может, просто – со зла?

Осталось время на ремёсла:
Воды в канавах через край,
За лето высохшие вёсла
В дырявый убранный сарай.
Парят нелатанные сети,
Как паутины над землёй,
Переливаясь на рассвете
Остроугольной чешуёй.
Скуднее сад, а пуще нива,
Напоминанием стрекоз
Осенний ветер терпеливо
Шуршит серёжками берёз.
Обноски праздные, облатки
В овраг выпрастывает лес,
И месяц огурцом из кадки
Торчит в окрестностях небес.
Где почерневшие погосты,
Где надмогильные кресты,
Сгорают весело и просто
Калины красные кусты...

Метелей первая трава –
Ночная оторопь полей,
Осуществили дерева
Сокрытые собственных детей...
Где свежей просеки пробел,
И кровью не украшен снег,
Шёл, спотыкался и сопел
Скорее зверь, чем человек...
Жизнь отсырела, как патрон,
Судьбы упрочилась лыжня...
Он зайцу выстрелил вдогон,
А померещилось – в меня...
Осташи кинув у печи,
Сказал жене: «Икру мечи»...

Старая, старая мать
Стала кашу варить,
Нечего свежевать...
Не о чем говорить...

Зарыдаешь, Россия...
Заскулишь об одном:
Нас, как травы, скосили
И сложили гуртом...

И ни дна, ни покрышки,
Ни рожна, ни хрена...
Наши даже Всевышний
Подзабыл имена...

Заболотились поймы...
Зацвело вороньё...
Мать-Россия не помнит,
Как любили её...

Листва небес, как изморозь души...
На улицах безветренно, промозгло,
Окольный месяц путь не довершил,
Ориентируясь по звёздам.

Когда слова, скрипя, не лезут в слог,
Выходит ночь за рамки неприличья,
Выходит, что мой вымышленный Бог –
Всё только то, что пережил я лично.

Вселенная конечна... И звезда
Моя в ней тонет, гинет безвозвратно...
Мечта нелепая, слепая суета,
Бессмертие – зовущее обратно, жить...

О, смилуйся, мой вымышленный Бог,
Дай мне любой, хоть мало-мальской, доли...
Когда я оступаюсь за порог,
Таким бескрайним видится мне поле.

ЭЛЕГИЯ II

Поздняя осень.
Скрипя обветшалой дверью,
бабка приносит свечу,
бормоча: керосин, мол, в цене...
Редкие, рваные листья на тонких ветвях вековеют.
Липкие тени опасливо жмутся к стене.

Поздняя осень –
время элегий, собачьих
бед... не ожиданий...
не взглядов на разные сути...
Ветер шумит, а мерещится – плачет...
На сеновале промозгло и мерзко до жути.

Поздняя осень –
досадное время разлада
между желанием жить –
и несходным желаньем природы сердце скрепить
мне картиной глухого распада...
И покаяния вечно дождливой погоды.

Нынче снег задержался надолго,
Коченели овраги, ручьи...
Осыпались деревья, и колко
Птицы хохлились, словно ничьи.

Всё озябло... Тяжёлая осень
Для крестьян, что сложили стога,
Каждый вечер, как год, високосен,
Всякий раз умирает рука,

Если вдруг и начертишь словечко
Глупой женщине, девочке той,
Догорает опальная свечка
Тихим пламенем, как запятой...

Не собрать и не склеить осколки
Ломких листьев, отринувших сад.
Целый век героиновой ломки –
Постепенно заученный ад.

В белом саване... тайной нирване,
Тёмном омуте божецких дел...
Лучше б, стерва, жила на стакане,
Лучше б я ничего не хотел!

Ангел плакал навзрыд за стеною,
Опустели кварта и шприц...
Я не скоро приду за тобою
Светлым заревом детских зарниц.

Так бывает, когда
Средь холодных равнин
Остаешься один.
Угасает звезда
Над просёлком во мгле...
Тонкой коркою льда
Скрыта жизнь на земле,
Скрыта нежность пруда.
Угасает звезда,
Снег свершает обряд,
Так бывает, когда
В церкви сельской звонят
По усопшим твоим,
По родимой моей,
На суглинок полей
Опускается дым.
Кружева на окне,
Ставни тихо скрипят,
Неужели по мне
Совершают обряд?
И вовеки не встать,
Отгорела звезда...
Как легко умирать,
Не любив никогда.

Поля замызганы до снега,
Навзрыд червивеют поля –
Скрипи, крестьянская телега,
С возницей пьяным у руля.

Навоз страданиями оплачен,
Обмыт и собран урожай,
Порывом скупости охвачен
Травой заполненный сарай.

Скребутся мыши по сусекам,
Траншею вырыли кроты,
Не получается уехать
От надоевшей мне тщеты.

Как будто, насмерть приколочен
Гвоздём к забору, навсегда,
Горит на небе, между прочим,
Не путеводная звезда.

Вцепившийся чертополохом,
Пришит заплатой к армяку,
Рассыпан по полу горохом,
Никак собраться не могу!

Отшиться, выпасть, отцепиться,
Внезапно сгинуть с глаз долой.
Существованье длится, длится...
Как долгий месяц молодой –

Над опустевшею дорогой,
Не в состоянии помочь...
Ну, не зевай, возница, трогай,
Пока в глаза не брызнет ночь.

ВАСИЛЁК

Все разъехали к куда-то,
Стало холодно вокруг,
Виновата, виновата –
Прощался милый друг.

Василёк – синий цвет,
Голубой окоём,
Сколько зим, сколько лет
Не напомнишь о нём.

Как слеза к рукаву,
Как на небе звезда –
Василёк не сорву
Ни за что, никогда...

Синий лоск в лепестках,
Синь небес пересиль –
На его сапогах
Слёз просохшая пыль.

Докучала ему,
Почему, невдомёк –
Отошлю в Кострому
Василёк, василёк.

Выпившие люди,
Протоптав сугробы,
Постучались к Люде,
С намереньем оба.

...Подскажи нам, Люда,
Кто тебя достойней –
Хорошо ли, худо
Жить в Первопрестольной?

При крутом прикиде,
Словно при параде –
Так прикинул Витя,
На Людмилу глядя.

Прошептал Андрюха:
В нашей деревушке –
Зверобой под брюхо,
Звезды на опушке.

Я тебя, голубка,
Зацелую в травах,
Из куницы шубка
И детей – орава.

Тут вошёл Сёрежа,
Отгримасил мину,
Был он помоложе,
Эдак, в половину.

Глянув на Серёгу,
Люда посветлела
И... пошла к порогу,
Во, какое дело.

О, тёмная заповедь луга,
Шелест соснового бора,
Где сердце светло и упруго –
Не знает ни зла, ни раздора.

Где, кроме печального лада
И вороха птичьего гнева –
Густая сверчков канонада,
Неровное эхо распева.

Но скоро селенья осоки,
Кувшинок упругие луки
Отдарят гремящей протоке
Земли потемневшие звуки.

Едва придорожные ивы
Уронят зыбучие кроны,
Мы станем несметно счастливы,
Под многотрадальные звоны.

Мы станем опасно богаты,
Когда морозящей порою
Речных мелководий Багамы
Сокроются тёмной волною.

Рассеяны, нелюбимы,
Разодраны в клочья, как тучи.
Изменчивы... Поколебимы,
Как рощи с листвой злополучной,

Мы станем горды безупречно,
Добры и чисты добровольно,
Мы станем безвременно вечны,
Безвременно – значит, не больно.

Где месяц так юн и прозрачен,
И снег без стыда и укора
Кружится, ничем не оплачен,
На всём протяжении простора...

Я отдаю свои стихи
По пьяной лавочке обычно.
Крестьяне взглядом от сохи
Не улыбаются привычно...

Я отдаю свои стихи
Невыгодно, кому угодно –
Они, как птицы со стрехи,
Взлетают в небо благородно.

Я отдаю свои стихи
Куда ни попадя, без слова –
Как непрощённые грехи
В кануны Рождества Христова.

Т.В.В.

Слобода, слобода...
Разношёрстный народ...
Ты ответила: да,
И обуглился рот.

У цыганки горяч
Поцелуй – потерпи!
Я очнулся, незряч,
В безраздельной степи.

И слепая любовь
Мой навек поводырь,
Жжёт цыганская кровь
Сердца чахлый пустырь.

И не видя пути,
Я шатаюсь окрест,
Теребя на груди
Изнурительный крест.

Был день начала января.
Безлюдел холод, и дорога
Спешила к лесу. Лес, паря,
Свивался к призрачному логу.
Скрипящий снег сторожевой...
Деревьев скрежет, шелест, шорох –
Шарахались наперебой,
Сгорая в медленных просторах
Зимы, которая плыла
Округ, цивикая по-птичьи,
Сжигая сумерки дотла,
Сердечко празднуя синичье...
Мужик напрасно по темну
Ужом вертелся у колодца,
Вода, примёрзшая ко дну,
Посмела только расколоться.

А доведётся на мороз
Копать для ближнего могилу...
Под освещающей откос
Луною – свежему распилу –
Под взглядом белым мертвеца,
Что, обвернувшись простынёю,
Зажал могильщиков сердца
Дошатай крепкой пятернёю.
И каждый крестится стократ,
И заступы – как по железу,
И грязный лёд летит по срезу
Дороги, уходящей в ад...

Бережёному Бог – Бережок
(Древенька моя у реки),
Как напёрсток, намокший стожок,
Неуёмного ливня стежки...

Пижда, помню, рябина.
Пряжа, вроде, река...
Как-то, смысла помимо,
Появилась строка.

Цыплят по осени считают...
Долги краснеют платежом...
Душа сгорает... умирает...
Как осень... О душе потом.

Плохо. Горе пришло.
Белые листья берёзы
Жарким морозом свело,
Вымерзли жадные слёзы.

Высохли злые сердца,
Словно в жару водоёмы –
Выжженный взгляд мертвеца
Видит одни окоёмы.

Проклята наша земля,
Сёла, храмовья Господни –
Доля завещана для –
Хлеб не нашедших сегодня.

Воет голодная мать,
Грудью терзая младенца –
Он, продолжая зевать,
Ночью отколет коленце.

Бег замусоленных лет...
Белые злаки созвездий...
Щурясь из гроба на свет,
Жду планетарных возмездий.

Сегодня спятил рак
И свистнул на горе,
И заяц не русак,
И осень на дворе.

Где крах чужих миров,
Окраина небес,
Встаёт незримый кров –
Необозримый лес.

Прости... и я вовек
Не пожелаю зла,
Жалея алый снег,
Сгорающий дотла,

Сжимая крест и кровь
В кромешном кулаке,
Держа – к тебе – любовь,
Как пса на поводке.

Не горит свеча Господня,
Не горят в дому огни,
Начались для нас сегодня
Нескончаемые дни.

Там, где всё же кончается день –
Тень.

Не ходи, Господь, с повинной
К сытым людям никогда,
Реет сумрак над равниной,
Рдеет ржавая звезда.

Там, где небо сходит на нет –
Свет.

Бродит ветер козлоногий,
Злую душу потрясти –
Не ходи, Господь, к убогим
И к голодным не ходи.

Здесь, где стоят в переулке дома –
Тьма.

Видишь – церковка над бездной,
Колокольный слышен бой,
Обходи ее, болезный,
Тридевятой стороной.

Потому, что со всех тридесятих сторон –
Стон.

То ли будет в воскресенье,
Если снега наметёт,
Не пошлёт Господь спасенья,
Воскресенья не пошлёт.

Там, где по полю прошёл человек –
Снег.

Утром ангелы порхают,
Ночью демоны парят,
Ничего не отрицают,
Ничего не говорят.

Что делать, если земля из-под ног,
Бог?

Отважно приземлился жёлтый лист,
Как шелкопряд на ниточке, крутясь...
Скульптурный пионер тире горнист
С утра трубил о том, что началась

Пора забвения... и мне давно пора
Туда, где вьюга – шашку наголо,
Где белые сугробы намело,
И до весны не съехать со двора.

...Я стану коротать своё теперь,
Как сумерки, в погоду и метель.
Дубовая поскрипывает дверь,
Подскрипывает нежно колыбель.

Когда дрова обрушатся в печи,
Расколется избушка бубенцом,
И пламя разгоревшейся свечи –
Очередным сатурновым кольцом –

На стену, где подвешены часы,
По полу, по карнизу, потолку,
По небу, где созвездие Весы
Отмеривает благодать и тоску...

...Я стану коротать своё теперь,
Как сумерки, в погоду и метель,
Дубовая подскрипывает дверь,
Поскрипывает нежно колыбель.

И ласточки-касатки над рекой,
Болотной стрекозы веретено...
Всё минуло, как воля и покой,
Какие испытать не суждено.

Когда душа не в силах не гореть,
Глазам грозят сомнение и боль,
Достаточно случайно умереть
На приисках в районе Бодайбо.

...Я стану коротать своё теперь,
Как сумерки, в погоду и метель...

В конце нерадостной недели
Приснилась осень... но тогда
Деревья скромно зеленели,
Была приветливой вода.

Незвано, как порой приходят
Лихие гости на порог –
В округе осень верховодит,
Взметая листья из-под ног:

Песчаные и золотые –
Дни наутёк пережитые,
Уже истлевшие почти –
Непроторённые пути,
Одни с окалиной, другие – опалены,
Сны о спасении России – сны...

Царит безудержная нежность,
Не обращённая в любовь,
Пока проклятая бесснежность
Терзает сердце, мутит кровь.

Скорей бы волны снегопада
Сошли на мир со всех сторон,
Как свет удушливой лампы
На лики грешные икон.

И в чём наш грех и наша вера?
Чем наша родина плоха?
Не дрогнув, прошептали вербы:
Нет веры – значит, и греха...
И родины...

Дождь с полудня – на неделю,
Не намайось по избе,
Хуже нет, чем так, без цели,
Прозябать по мокротье.

Под сурдинку, керосинку –
Месяц клонится к утру,
Мне псалмы читать в новинку,
Ничего-кось, разберу.

Раззадорились соседи,
Дрожжи в пиве доедят,
Вместо девок, на беседе
Галки мокрые галдят.

Белеет ад – на вологодской,
На недосжатой полосе,
В глазах топорщится уродство –
К речной немислимой косе
Прижат волною снег кружальный,
Мертва душа – как стон оков,
Нечеловеческий, кинжальный,
Опустошённый вой волков.
В сусеках – жалость к несусветной
Душе, загубленной тобой...
Деревья падают от ветра,
Встаёт листва перед травой.
Я ощущаю запах боли,
Кромешной боли, не стыда...
И леденеет сердце в горле,
Как в зимнем омуте вода.
Я торжествую, что сегодня
Могу отречься от любви –
Что хуже, лучше Преисподней?
Надейся... мучайся... живи...

Осинник жёлт. Зима не скоро
Произойдёт. Кудлатый дым
Встречается у косогора
С холодным небом голубым.

О, полу-райская неволя,
Торжественная благодать –
У кромки вспаханного поля
Ногами листья загребать!

Невыразимое блаженство,
Не забывающийся сон –
Скользить по грани совершенства
Под перепёлок перезвон.

Очнись, душа! Слепой усладой,
Истомою напоена,
Ты, словно лист ночного сада,
Владеть собою не вольна.

Ты – словно лист ночного сада –
Как отрешён бывает сад!
Невисокосный листопад
Терзает острая ограда.

Как светляки, сплошной стеною,
На свет знакомого крыльца,
Листва летит сама собою,
Дымится кожица-пыльца.

Очнись, душа! Обнимет к сроку
Меня тяжёлая земля,
Так обнимает снег дорогу,
Покой и праведность суля.

Не проклинай глухой могилы,
Наведывайся иногда
К тому, чьи горестные силы
Точила кормчая звезда.

На крутом берегу – черносотенный лес,
На поклонном лугу – борщевик до небес.
Говорила мне мать, поучала сестра:
По ночам не гулять, где излука остра...
Где стоит на лугу белый табор цыган,
Гнёт дорога дугу – табор весел и пьян.
Где под ржанье коней, переборы костров
Я ходил вслед за ней, я был в рабство готов.
Но цыганки умны первобытным умом,
Их любить – это сны... дорогие притом.
Разрешила стократ злые губы испить,
Возвратила назад и позволила жить.

Привычно в пору ноября
Узнать – зима нерасторопна...
Никак не съедет со двора!
Листва докучливая – в окна,
Проснувшись, можно рассмотреть
Вестибулярное соседство,
Стенает ветер, стонет медь,
Мерцает сердце –
Как звёзды неба, вразнобой,
Как лес коллажный –
Обманутое не однажды
Любовью, осенью, судьбой.
Скорей бы посвисты во мгле
Гончарных вьюг... да скрип телеги,
Да непроглядные побеги
Морозных лилий на стекле!

Казался сумрачным в деталях
Осенний лес, где с каждым днём
Не обесцвечивался палех,
И неба тёмный окоём
Последним уходящим птицам
Содействовал увидеть юг.
Чертил подвыпивший возница
Навозом окаянный круг...
Я прожил в замкнутом пространстве
Мгновенья, коим нет числа –
В гуманитарном постоянстве
Душа, как озимь, замерла.
Я ошибался... В одиночку –
Яснее мира глубина,
И чувства, взятые в рассрочку,
Отныне отданы сполна.
Я свято верил, что однажды
Вернёт опомнившийся Бог
Деревьям, высохшим от жажды,
Воды живительный глоток,
Мотыгу – пахарю, мортиру –
Завоевателю племён,
Поэту – выпавшую лиру
И память вечную времён.

Гонкий ветер за старым двором
Тронул голые ветви берёз,
Как домашний игрушечный гром,
Мышь в подвале взялась за овёс.

Серафимы порхают вдали,
Поднебесные хоры поют,
На любых переделах земли
Нищим хлеб и судьбу раздают!

Потемнели верховья ольхи,
Наобум пробивается озимь,
Беглый август слетел со стрехи
Белогрудую ласточкой... оземь.

Отмотыжив, ручная страда
Зимовать убралась по овинам,
И горчит ключевая звезда
Обжигающим соком калины!

...Я родился в голодной стране,
Был случайно судьбою отсрочен
От войны, что гасила в окне
Жидкий свет с наступлением ночи.

Я пропил, в чёрный дым, лагеря,
Затерялся иголкой в стоге,
Прозевали меня егеря,
Хоронясь у ничейной берлоги.

В полосе одичавших осин
Я лощён деревянною кровью,
Погибаю, один на один,
С вековой безымянной любовью

К опустевшим урочищам жатв,
К восхождению – на убыль – погоды,
К непорочной душе не прижав
Светлой речки проточные воды.

Никогда не гляди в темноту!
Одинокие зябкие тени,
Приближаясь ко мне – за версту
Подгибают смиренно колени.

Я закрою глаза. Пустота.
Никого в темноте... Слава Богу!
Пристяжная – дозором – звезда
Объезжает поля и дорогу.

Толкается промозглость в огороде,
Где осокорь стоит особняком...
«Жизнь укатилась медным пятакom», –
Заметил вор, побитый при народе.

Сермяжка сельский, к слову, босиком
Зимой и летом... прогундосил робко:
«Жизнь – чёртова хозяйская похлёбка,
Затравленная едким чесноком».

Крестьянка, по соседству, изрекла:
«Не окажись жизнь чертополохом –
Не стала бы я ахать здесь и охать,
А, может быть, в Париже умерла».

Я глянул на её задорный зад,
В глаза с металлургическим отливом,
Ответив, что в Париже русской ивой
Мостят дороги в рукодельный ад.

Сиди ты здесь, сажай топинамбур,
Лущи подсолнечник, сучи пшеницу в поле...
На три деревни – пять парижских дур,
А малопьющих – я и дядя Коля.

Крупней, чем ягоды калины,
Роса осенняя к утру,
Серебряные паутины –
Как письма лета – на юру.

Горизонтальный, вертикальный
Слоится воздух... И межа
Листвой усеяна летальной,
Что тихо падает, кружа.

Какие праздничные будни –
По эту сторону двора!
По ту – доносится, как будто,
Лихая поступь топора.

Там сучья рубят и поленья,
Таскают брёвна... У пруда
Мостят костры... их отраженья
Стремительны, как поезда.

...Однажды ветер, злобный ветер
Завоев воров в трубе,
И не отыщется на свете
Души, что вспомнит о тебе.

ЗВЕЗДНАЯ РЫБАЛКА II

Матереет плакучая ива,
Подцепив, как наживку, звезду...
Караси проплываю красиво,
Растворяются звёзды в пруду,
Как сопливые зёрна прикорма...
Месяц носом клюёт, как старик,
Презирает плывущие зёрна
Звёзд пшеничных судак-слюдяник...

Умереть я хочу рыболовом,
Сиднем сидя, на Млечном Пути,
В ожиданье вечернего клёва,
Никогда никуда не идти.
Чтобы в водоворотах Вселенной,
Словно в нашем зеркальном пруду,
Привыкать к пустоте постепенно,
Как наживку, цепляя звезду.

Из горького горя, досрочного зла
Сентябрь родился – не помню числа.
Над именем звонким рыдали без слёз
И ветер, и север, и сервер берёз.
Падением нравов и листьев смущён,
Сентябрь умудрился из множества жён –
Ольха, Ель, Ракита, Береза... Сосна,
Стройна безупречно, шумна, но скромна –
Влюбиться на вечные веки в одну,
Подолгу глядел, как огонь в глубину
Дождливых распутиц... И выбрать не мог!
Осыпалась жизнь, как раскосый песок,
Меж пальцев, с обрывов безудержных рек,
Она ускользнула слезой из-под век,
Как облако пыли, как тающий снег...
Сентябрь родился... Сгорел человек.

Мне цыганка гадает
И сулит наперёд:
Снег, Серёга, растает,
Солнце вытопит лёд.
Прорастёт пополудни
Молодая трава,
Прикипевшая к будням,
Кровь очнётся, едва
Перелётные стаи
Закружат над зимьём...
Ты – сгоришь, ты – растаешь,
Ты прольёшься дождём!
Станешь бурной рекою,
Обиталищем рыб,
Над твоим непокоем
Загорятся костры!

Не так, как бывает обычно
Весною, когда журавли
Окрестную Вологду зычно
Заставят подняться с земли.

Не так, как случится зимою,
Чуть крепкий ударит мороз,
Угаснет над тёмной водою
Земное движение звёзд.

Океан – часть реального космоса.
По нему ходят звёзды.
(Аленький принц).

Ни летом –
(Был сбит в понедельник трассирующим шмелём) – А.П.
Ни осенью гулкой
Не померещится мне:
Прогорклое эхо в проулке,
Шараханье шторы в окне.

Одна мимолётная память
Торопит избыточный час,
Назначенный, явно, не нами,
Но выбранный, ясно, для нас.

Ты волен его не заметить,
По истечению лет
(Ты говорила о любви, как о погоде на декаду...) – А.П.
Душе удаётся отметить
Остаточный призрачный свет.

Тогда и гадаешь на гуще:
Дорогою в рай или ад...
(Ложь – чувство крайне возвышенное,
ибо имеет свойство парИть.) – А.П.
А час был однажды отпущен:
И рай был, и ад был... и сад.

Снега разбегались по кругу,
Пробитые ветром насквозь,
Полярную чёрную вьюгу
Мне пережить довелось.

Скрипели в снегу по колено
Деревья, дрожали дома...
Мой слух проникал постепенно
За грань, где цвела кутерьма.

От пола – до самого потолка –
Тряслась и скрипела душа,
Темнела часов позолота,
Где время укрылось, дрожа.

И вздыбившись шерстью собачьей
Оглохшего насмерть села,
Природа, как мелочь на сдачу,
Наутро людей отдала.

Слепая ночь, как и пристало,
Сошла на дошлые поля,
Пустым оконцем одичало
На звёзды шурился земля.

Уезд запил... тоска сырая
Накрыла местные дворы,
Жила-была соседка Рая,
Хозяйка чёртовой горы.

Огонь – и волос воронёный,
И воронёные глаза!
По золотым ладоням клёнов
Бежит горячая слеза...

Звезды, которая в кювете
Искрит, как провод старой ЛЭП...
Гляжу с трудом, как малым детям
Селяне покупают хлеб...

Облетают листья, словно дранка с крыши,
Осторожный месяц из-за леса вышел,
Дождь прошаркал сухо, кашлянула глухо
За стеной на печке старая старуха.

Старая старуха не глядит за девкой,
Не ночует Клавка – шуточка с припевкой.
Ты шути, любимая, припевать я буду,
Как сударушка нашла в поле чуду-юду.

Но, за поцелуи красного цыгана
Отплачу с лихвою, поздно или рано.
Табор переедет – злобушку повылью –
Зазимуешь, радость, под степной ковылью.

Схороню... и с Богом! Поклонившись воле,
Крест святой поставлю в ястребином поле,
Выпью белой водки, выплакну бывшее
И пойду на прорубь с ясной головою.

Я не люблю тебя, великая природа,
Остыла в сердце белая звезда,
И солнца луч, встречающий у входа,
Души не отогреет никогда.

Обрыдли придорожные канавы,
Заполненные талою водой,
И чёрствый лязг паромной переправы,
И ветер, отдающий резедой.

Глухая повседневная повинность...
Душа не в состоянии печатлеть
Заброшенные сёла и овины,
Деревья, начинающие тлеть.

Моя душа, отвергнув состраданье,
Артикулярно мается в ночи,
Грядущим поколениям в назиданье,
Как угли, прогоревшие в печи.

Нельзя любить – бесстрастно и открыто –
Ни девушку, ни родину, ни мать...
Свинья лобзает грязное корыто,
Попробуйте поэта приласкать...

Я выцвел иван-чаем у дороги,
Погасла в сердце белая звезда,
Уста лепечут частное о Боге...
Постылые, усталые уста.

1

Зачинщик осени – журавль
Курлычет зиму на постой...
Никем не скошенные травы –
Преобразились в сухостой.

На ломкий лёд не наступая,
Лисица берегом реки
Гоняла уток поздних стаю...
И угораздила в силки.

Соседка-стерва на пальтуху
Пришьёт облезлый воротник,
И сбережёт глухое ухо
Её послушливый старик.

Глядеть наскучило, поверьте,
На скоморошьи чудеса,
Где жизни нет – не будет смерти...
Стареев неба полоса...

Зачинщик осени – журавль
Скликает клин окрест дорог,
За лето скошенные травы
Крестьяне уложили в стог.

Под вечер, в августе, так часто
На землю падает звезда.
Душа свободна, и прекрасна,
И ощутима неспроста.

Благоволи, она приидет
В рай, защищённый от людей,
Шепча обугленное имя
Покойной матери моей.

В дремотных заводях, где отблески заката...
В удушливом дурмане острова,
Чьи берега устало и покато
Хранит неговорливая трава,
Прильнула ель к обрывистому краю,
Спят камыши, пригрезившись воде,
Безветрию покорствуют сараи,
Привычно размышляя о страде;
Спит изгородь, приземистые избы
Клюют стрехой... колодец во дворе
Тоскует о ведре и коромысле,
Спят мысли у собаки в конуре;
Уснула удочка, почиет печь с трубою,
Вздремнул ухват и... бац! Не устоял...
Селяне спят, окутаны тоскою,
Мозолями поверху одеял;
Сон пахарей – спокойный и высокий,
На всех один – как мало в жизни снов!
Храп, кашлянье, раскинутые ноги,
Согласное урчанье животов
Не прекратят. Звезда на небосклоне,
Поверженного Змия осень,
Скользнув неторопливо по иконе,
Стреножила Георгию коня.

Весной затевается жизнь...
Досадно и скучно, не скрою,
Глядеть, как с поклажей гужи
Дорогой ползут столбовою.

Сорога на нерест пришла,
Полощется в заводи плавно.
За вербой – ольха зацвела,
Прищурилась пихта забавно.

Нацелена к солнцу трава –
Она почернеет под снегом...
Зачем в огороде дрова
Взялись клейковатым побегом?

Обрушатся наземь плоды,
От ветра сломаются сучья,
Сокроются птичьи следы
Тяжёлой позёмкой ползучей.

Душа истомится служить,
А сердце – страдать и бороться.
Весной затевается жизнь...
Зимою она оборвётся.

Март – долгожданная осень,
Разные мысли о том,
Что издалёка доносит
Крик журавлей над холмом.

Странно похожи, бывает,
Августы на январь –
То ли рябина сгорает,
То ли горят снегири?

Даже узоры похожи,
Те, что цветут на стекле –
На запустелые пожни
В летней клубящейся мгле.

Стало быть, ясное дело –
То, что посеял зимой,
Выжило и облетело
Тёплой осенней весной.

Эпиграф:
«Подожди немного, отдохнёшь и ты»
Гёте

Дыханием полей
Определён восход,
На фоне тополей
Светает пешеход.

Не торопись спешить,
Скажи, не обессудь –
Зачем в объятьях ржи
Ты догоняешь путь?

Прохожему – дорога,
Обочине – кусты...
От самого порога
Не отдыхаешь ты.

В прозрачном воздухе ни отзвука уже,
Навстречу вечеру распахнуты ворота...
Внезапно померещилось душе
Неведомое, призрачное что-то.

Овраги стыли, ёжились кусты,
Лишались звёзды сумрачного зренья,
На грани торжества и темноты
Я выдыхал последние мгновенья.

Рассыпал на дороге бузину
Певец из голубиногo сословья...
Песком, не опустившимся ко дну
Реки – мутна, у изголовья
Рыдала смерть.

Дорога правит на поклон.
Сияет непролазный снег –
Где безобразен, грязен он,
Колхоз гуляет, имярек.

Набросок изб... и скотный двор,
Увязший по уши в навозе,
Следит неделю косогор
За чахлым стогом на извозе,

За тем, как ластятся к вину
Звероподобные мессии,
Звездой, клонящейся ко сну,
Над ними клонится Россия.

От жажды, голода ревут
Быки на ферме за домами,
Наутро бражники найдут
Их, удавившихся цепями.

Оплакав осени причуды,
Прошёл холодный дождь...
Мужик, подбрось в деревню Слуды,
Коль денег не берёшь.

Лес обезглавленный – в исподнем,
Дорога на бобах,
Нравоучение Господне
Навязло на зубах.

Крест, обжигающий мне руки,
Телеге старой в такт,
Как импотент – гулящей суке,
Поп – повитухе... Так.

Не богохульствую... В конверте –
Затёрто до крови –
Мое свидетельство о смерти
От божецкой любви.

Мужик, постой – отбрось поводья,
Пригубим в очерёд
Вина – как брёвна в половодье,
Нас хмелем разнесёт!

Мне ослепляющая сила,
Телесный гнёт судьбы
Так сжали душу – как в могилах
Земля теснит гробы!

А доберёмся – ты заране
Сумей меня толкнуть,
Я должен – трезвыми – Татьяне
Глаза в глаза взглянуть!

Моей приспешнице, тигрице,
А дальше – бла-бла-бла...
Я клялся матерью не спиться –
Сопьюсь, как тля, дотла.

И равнодушно будут люди
Молчать в день похорон,
Тугого уха не пробудит
Церковный перезвон.

Татьяной бледной будет вышит
Последний мой рушник...
А доведётся жить... и выжить –
Остерегись, мужик.

В стороне одинокого неба,
Где крестьянам в достаток трудов...
Отродясь я, наверное, не был,
Не топтал междометья цветов.

Не любил, от обиды не плакал,
Зачастую не чистил сады,
На потраву чужая собака
Не мои догрызала порты.

Не во мху, не в траве, не маслята
Там, где воды уставшей реки,
Где приветливым – от свету – матом
Привечали меня рыбаки.

Никогда у красавицы грустно
Не светилося оконце в ночи.
Не на рёбра – не падали грузно
Молодых удальцов кирзачи.

В стороне без конца и без края
Не случалось зимы в полозу...
Не реви – не белугой, родная,
Не по мне, не роняя слезу...

Осень брови насупит,
Будет дождь моросить,
Лес в облезлом тулупе
Станет воду носить.

Прослезится дорога,
Как соседка-вдова,
Не надеясь на Бога,
Рубит шурин дрова.

Не надеясь на Бога,
Заготовили мы
Всякой снеди немного,
Одежонки – взаимы.

И морозное утро,
И чудесный денёк –
Туеса перламутра
На покладистый стог!

Уповая на Бога,
И надеясь уже...
Загрустили немного
Об уставшей душе.

ОСЕННИЙ ТРИПТИХ

1

Скитальцы-листья цепенели –
Как насекомые в руках...
Под звук изменчивой свирели
Последних птиц – за взмахом взмах.

И между небом и землёю
Я слушал, распахнув окно –
Как между небом и землёю
Одно звучание, одно.

2

Пустынна призрачная степь,
Лес костенеющий дал дуба,
Скользя, подрагивает цепь –
Вверх, вниз – по изморози сруба.

Перекликаясь, журавли
Погасли в дымке за селеньем,
Запахло сыростью и тленьем
От прозябающей земли.

Кобылой дряхлою в узде
Природа жалкая томится,
Шатается по борозде
Всегда голодная лисица.

В разврате, лени, похвальбе
Моя душа перебивала –
Назло изменчивой судьбе
Вернулась в осень сеновала!

Где в обоюдной полумгле
Не улетающие птицы,
Толкаясь в утренней золе,
Листают вёрсты, как страницы...

3

Родоначалница-зима...
Ноябрь... бр-р... мороз и вьюга...
Неотличимы друг от друга
Окрест лежащие дома.

Лес на осиновом бугре
Тождествен бору за рекою.
Кружатся листья во дворе!
Сверкают звёзды надо мною!

Крошатся листья, мельтешат,
Срываются ежеминутно,
Созвездья мёртвые дрожат –
Им неуютно, неуютно...

Как меж листвою и звездой,
Невзрачным небом и землёю,
Как между телом и душой,
Как между мною и тобою –

Одно звучание, одно!
Одни пути, одни признанья!
И жизнь, как снятое кино,
Без умысла и без названья.

Стучался ветер-сухоей
В неотворённые ворота,
Сверкали чистой позолотой
На солнце маковки церкви.

Река подламывала брег,
Легко ворочая плечами,
Врасплох застигнутый ручьями,
В лесу отсиживался снег...

Темнел, меж тем как терпеливо
Вязалась зелень на ветвях,
И опьянённые, с обрыва
Ручьи бежали второпях.

Снег не отчаивался, нет,
Он знал, зимою умудрённый:
Недолговечен цвет зелёный,
А бесконечен – белый свет!

ПУСТОШЬ

Теперь с избытком по Руси
Погибших сёл и поселений,
Одно из них я посетил
Обычным августом осенним.
Поскрипывали деревья,
Трава дробилась понемногу,
Читала жёлтая листва
Дороге вечную эклогу.
Домов, чей гибелен удел,
Я мимо брёл в оцепененье,
Пока случайно не задел
Рукой внезапное растенье.
Я... вырвал чёрные шипы,
Как у беспечности – мгновенья,
Как частокол своей судьбы
Из рук слепого провиденья!
По листьям жёлоб пролегал,
Где мутная сочилась влага...
Злой корень, путаясь, сползал
По свежей осыпи оврага.
Дородный стебель пополам
Был разветвлён у сердцевины,
И связанные по рукам,
Соцветья выгибали спины.
Побеспокоенная плоть
Растения вилась по саду,
Грозь смертельно уколоть –
Навстречу брошенному взгляду.

Казалось, потаённый мир
Благоухающих гармоний –
Не флейта, не Гвадалквивир,
А это – мерзкое, живое...

Растенье вырвалось, как крик
Чужой души, несущей ересь,
Обожествляя в жуткий миг
Уродства сладостную прелесть;
Отождествляя темноту
Грехопаденья, свет небесный,
Как пьяный сторож на посту –
С берданкой соли бесполезной.
Оно прикидывалось, что
Обделено самой природой,
Как конь в сиреновом пальто!
Обескуражено свободой,
Как нищенка у перехода!
Как победитель в спортлото!

Желая нравиться душе
С неприхотливою повадкой,
Улиткой липкой по меже
Кралось растение украдкой.
Отпрянув, я шагнул к стене,
Объятый чёрными тенями...
Растенье плакало по мне
Остроугольными шипами!

Надоедливый и однозвучный,
А вчера – громыхал, грохотал...
Частый дождик, из тучи за тучей,
Обступил, растерзал сеновал.

То ли ухо моё прирастилось
К песне долгой осенних дождей...
То ли сердце, травой, отклонилось
От привычной дороги своей?

Оступаясь к последнему краю,
Проклиная дождливые дни,
Я потери свои не считаю,
Не подсчётны, как звёзды, они.

Эпиграф:
«...Могила пустая, мимо которой идём,
носит лишь имя твоё»
Каллимах

Средь торжествующих полей,
Где время правит пир горою,
Меня преследует порою
Досада участи моей.

Меня не радует весна,
Обидно начинать сначала,
Рыдает глухо, одичало
Рябина около окна.

Её не радует весна –
Истощены, уходят силы,
На край обугленной могилы
Зовёт сомнений глубина.

Моя душа обречена,
Как снег, упавший на рассвете,
Она растаяла? – Ответьте,
Рябина, время и весна.

Что мне достанется, когда
Окончится существованье?
Души надгробное названье,
Прохожие... и пустота...

Мирской поры обычна суета,
Созвездья осени так редки, так щемящи...
Длиннее тени ветхого моста,
Деревья оголённые скрипящи.

Закрапал дождь, на будничном холсте
Седых небес – царапины сирени...
Деревья стонут, стоя в пустоте,
Сгибая сучковатые колени.

Как сладостно над пропастью кружить,
Заманчива недолгая свобода,
Где вдох души отчаянный, как вжим
В бесчувственное тело небосвода.

Есть обычные страшные дни...
Дни на вырост, и дни нарасхват...
Тёмной осенью гаснут огни,
Тихой поступью листья дрожат...

Колеблется синь,
Гаснет звезда,
В саду – полынь,
В аду – резеда.

Думать трудно, что станет со мной.
Млечных звёзд колыхнулась орда.
Во саду погасает огонь,
Во аду холодеет вода.

Отчего прояснился вчера
Непрестанно-придирчивый сон:
Будто в окнах горят вечера,
Тонет время в проёмах окон?

В полях – снега,
В снегу – стога,
В реке – шуга,
В руке – рука...

Мокрый снег облепил провода,
Тяжело уцелевшим плодам...
Есть дороги в объезд, в никуда.
Есть пути к материнским ногам.

Обещай... не понять,
Обещай... не забыть...
В саду – гулять,
В аду – любить.

Открытое поле... и взгляд, отдыхая,
Скользит вдоль дороги, теряясь вдали,
И меркнет просёлок, деревня глухая,
Дырявая барка на звёздной мели.

Торопится полночь... Луна молодая
Взошла на пути, освещая простор,
Умолкли деревья, уже не желая
Прохожему передоверить сыр-бор.

Едва ли приметит уснувшая стая
На заимках возле зыбучих болот –
Как белые листья летят, опадая,
Как тёплая влага по скулам течёт.

Когда на рассвете дорога рябая
Уткнётся в асфальт у черты городской...
Я чувствовать буду, как роща простая
Мне сердце навеки сожгла немотой.

Ехал дед на возу – заронил слезу:
По судьбе-голытьбе лютой,
По синюшной холотьбе-колотьбе...

Ой!

Я слезу нашёл, сапожком колол...
А слеза целым-цела, видно, стужа будет зла!

Овёс не довёз – наглотаешься слёз!
Не расставил стога – хрен поешь пирога!
Дров сухих не напас – зубы в пляс!
Не набил закровов, погребов – потаскаешь гробов!

Ну, а если всё ладом –
На кровать, с молодой!
Мни ей, стерве, бока
Да валяй дурака!

Ночь-полночью... И длятся бесконечно
По небу звёзды, млея и томясь...
Трава-дрова отсвечивают млечно,
Пути-дороги реют, серебрясь.

Стоят берёзы тихим ограждением
Забытых кладбищ возле деревень,
Листопадение вызвано движеньем
Ветров нечаянных... О, Господи, чья тень,

В отчаянье бредущая, в молчанье,
Вдоль берегов разлившихся болот,
Всевышнему прощению – прощанье
С любимую землю предпочтёт

В сей странный час... Да будет час внезапен!
Ночь к полночи приблизится тогда,
На перепутье – всхлипыванье цапель,
На небе – отрешённая звезда.

Пускай берёзы, долгим ограждением
Пустынных кладбищ – кажутся людьми...
Мгновение, навёрстывай мгновенья,
Идущего, дорога, обними.

Как вероломная солома...
Позёмок зимний под ногой...
Горят огни родного дома,
Царит звезда над головой.

Остолбенел вблизи колодца
Детьми забытый снеговик,
И с гордостью первопроходца
Небесный серп являет лик.

Люблю души оцепененье,
Прозрачность мира и покой...
Какое чудное мгновенье!
Слезись и празднуй, критик мой.

Снова вечер – куда мудренее утра,
Потемнели проталины крон,
Осень тихо сошла в колею, и пора
Вешать ставни на лица окон.

Теребят небеса и трубят журавли,
Им завещан загадочный путь...
Ты советуешь горстку родимой земли
В подорожный платок завернуть.

Вижу: тени на закопчённой стене
Льют в стаканы остатки вина...
Перестань молотить о заросшей стерне,
О тяжёлой судьбине зерна.

Где бы я ни скитался – дорога одна,
Лучше зельем тревогу залить,
А когда приопустится к лесу луна,
Мы, как волки, начнём голосить –

О церквах, и о том, что осталось от них,
О домах по колено в земле...
О таких же, как мы, безвозвратно живых,
Не замеченных Богом во мгле.

Чтобы пьяной слезы в кулаке не толочь,
Чтобы по возвращенью сюда
О высоком желании людям помочь
Я не лгал никому никогда.

Крестьяне празднуют канун
Рождения и торжества Христова,
Как много минет солнц и лун...
И снова... возродится слово.

На пепелищах страшных войн,
Среди вселенских разобщений
Возложит буквы на ладонь
Прыщавый, нагловатый гений.

Потомки вымолвят: пророк,
Не иначе, сошедший с неба,
Из букв он вылепил нам слог
И в темя вбил названье хлеба.

Мычанье – после: «му» и «ма»...
Под расписные тары-бары,
Светлеет атомная тьма,
Горят, как ангелы – Икары.

Слепые станут сочинять
Про Ахиллеса и Патрокла,
И жизнь покатится опять,
Как дождь уклончивый на стёкла.

Сегодня холодно... укройся,
На небе долгая луна...
Покажется – для беспокойства
Нет основания... и нам
Мерещится. Для беспокойства
Причины нет... Зима пришла.
Чертовски холодно... укройся...
Луна исчезла со стола,
Как блюдце с беглою свечою...
Я всё проспал. Зима пришла.
Сомкнула крепкою рукою
Замёрзших речек удила.
В «буржуйке» щёлкают дрова,
Как оружейные затворы...
Слегла на снег у косогора
Простудой смятая трава.
Я всё проспал. Зима пришла.
Расшиты крестиком сугробы,
Я бросил птицам корку сдобы...
Луна исчезла со стола.

Как горсть песка, порой вечерней,
Чтоб отряхнулись ото сна,
Грачей сварливое кочевье
В глаза нам бросила весна,
Дневного света ворох ясный –
Победоносно, напоказ.
Осевший снег огнеопасный,
Проистекающий из глаз
Потоком слёз...
Зимой трескучей
Весна припомнится на миг,
Когда на гребне снежной кручи
Тяжёлый взвоят грузовик,
На проводах высоковольтки
Замрут пернатые... В саду
Замёрзнут яблони настолько,
Что я костёр им разведу.

Всё-то помнится мне витязь
На ошпаренном коне...
Умер скотник... дядя Витя,
Свет обуглился в окне.

Чем добрее, проще люди,
Тем приятельственной смерть,
Хоронить мы Витю будем,
Будем пить и будем петь.

Продерёшь сильнее глотку –
Разгуляется душа –
Водку запивая водкой,
Без единого гроша.

Я соседей понимаю,
Был от скуки грешен сам...
Не увидеть близко рая
Деревенским храбрецам.

Я в гости был соседом приглашён,
Ломился снедью стол бескаравайный,
Напившись, гости лезли на рожон:
Российский, грубый, непринципиальный.

Летали быстрокрылые ножи,
Предметы в виде вывинченных ножек,
До судорог трещали купажи
Сорокоручек и сороконожек.

Катился ком по улице – долой,
На повороте выпавшее тело,
Забрызганное кровью молодой,
Беззубое, дрожало и шипело.

Не выспавшийся, милиционер,
Назло кругом стоящему народу,
Посредством превентивных полумер
Принудил разойтись по огородам

Дерущихся... Забавой для дворняг
Послужат домотканые предметы,
С утра до ночи русский видя мрак,
Без Божьей воли вытянешься к свету.

Когда поля живут дорогой,
Дорога – россыпью зерна,
Мы восклицаем: слава Богу,
Пришла весна!

Мы торжествуем: слава Богу,
Ушли морозы и метель,
И зацветает понемногу
На крышах юная капель...

И славословя: слава Богу,
Глядим задумчиво в окно
На почерневшую дорогу,
Где птицы празднуют зерно.

Мне нравится осенняя пора,
Когда хлопочут в сёлах топоры,
Из каждого открытого двора
Сырые запахи доносятся коры.

Отраднo видеть зыбкий неуют,
С закатом угасают голоса,
У дымчатой поверхности снуют
Листва и погрустневшая оса.

Спокойно думать и осознать,
Вполголоса, в полсердца говорить,
И остаётся только вспоминать
О том, что не сумеешь позабыть.

Я торопливыми шагами
Обескуражил темноту:
Деревья прядали ветвями,
Смеркались птицы на лету.

Тогда наитием нездешним,
Дозором окаянных звёзд
Был приведён в ночи кромешной
На отдыхающий погост.

Необъяснимо растревожен,
Подался прочь от гиблых мест...
Вдруг – светом звёздным запорошен,
Осуществился рядом крест.

И я на миг ослаб душою,
Толкнул его, что было сил,
Крест содрогнулся под рукою
И рухнул в обморок могил!

В образовавшемся провале
Восстали чёрные гроба,
Дождём рассыпались медали,
Всклубились корни, черепа...

Наощупь двигаясь обратно,
Не чуя почвы под собой –
Я различал на звёздах пятна
Кипящей плесени земной!

Интеллигентные коровы,
Бараны с пядями во лбу –
Невыразительно, не ново...
В неодолимую тоску
Я не впадаю по причине
Твоих опаловых очей,
Кручина свойственна мужчине,
Когда он взрослый и ничей!
Осточертевшие ромашки,
Вялотекущая трава...
Туч проливные промокашки...
Так восхитительны – права
Ты, милая моя, бесспорно:
Я вижу исподволь – леса
Разносят возгласы и споры,
Пирамидальная оса
Застряла в пестике... В тычинке? –
Не помню школу, хоть убей,
Прилежно учатся личинки
Висеть на удочке моей!
Мы, словно куклы в балагане,
Забились в сено, как в сундук...
Я, в поэтическом дурмане,
Был одинок и близорук!
Стихи – мура! Приют блаженным!
Мне весело и хорошо!
Сердечко бьётся совершенно,
Как будто, мушка о стекло
Твоих очков! Моя отрада,
Ты счастье подарила мне,

Не надо думать, и не надо
Рыдать, как цапля, при луне.
Давай поженимся... На свадьбу
Придут уездные врачи,
Учителя, соседи-братья...
Молчи, любимая, молчи!
Интерпретирую... Приятно
Стать, кем не сбудется, на миг...
Бог позовёт меня обратно,
Чтоб неслучайно не привык
Я к счастью искреннему – знаю,
К нему примерившись едва,
Умру, как ночью умирают
Стихи... созвездия... трава...

Рукой навывлет... взглядом набекрень –
Ораторствовал, чавкая картово,
Вития... продолжался день...
Тень на плетень прищурилась лукаво.

День осени... Зависимости от
Чувства неиспытанной свободы,
Сосед прикрыл ослабившийся рот,
Вкусив червя, торчащего из плода.

Кружились над просёлком кумачи,
Определяясь к стае журавлиной...
Торчали у дороги кирпичи
Церквушки, что состарилась с повинной.

День догорал... гас митинг... свет угас...
Во мгле и петь, и водку пить сподручней.
Среди бредущих, буйствующих масс
И я не прочь продёрнуть под огурчик.

Мы жили на посылках у мечты,
Без умолку талдыча про свободу,
Мы вычернили русские черты,
Мы, с корнем, душу вырвали народу!

УКРАИНСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Зимою здесь не сдюжить вообще...
Но есть лицеприятные моменты:
Наваристые запахи борщей...
Синюшные грибы-интеллигенты...
Урочен час, когда из кладовых
Спешат на свет соленья, маринады...
Слагает расплескавшийся под них
Напиток – Дионисию рулады.
Хрестоматийный, с хреном, холодец...
Он изнемог... он полон лени, неги.
Парад свечей, биение сердец...
Я чувствую, как дрогнули колени
Дородной барышни, что дует вгорячах
На грудь себе... на скифские курганы...
С какой мороки помню о свечах:
Свеча свечой, мерцает непрестанно.
Помилуй, Господи, гуляем Рождество!
Съесть эту снедь – как сделать подвиг ратный!
Один за всех... и все на одного –
На холодец, густой и ароматный!

На колья оград, и упавшие за вечер листья,
И то, чем богата и чем благодатна земля,
Наведалась осень... и вёдрами на коромысле
Песчаной дороги ржаные качнулись поля.

Отраднo и трудно в такие бывает минуты –
Тепла не хватает навеки заблудшей душе,
Простым лепестком – закружившись во времени лютом –
Она пропадает... а может, пропала уже...

Вороны по кровле стучат, как бок о бок стучат на причале
Рыбацкие лодки – расходятся эхом круги...
Посыпался снег... Я нечаянно свыкся с печалью,
Холодной, как воды бездонной, безбрежной реки.

Уснули под снегом упавшие за вечер листья...
Как звонко и тонко звенят на морозе поля!
В обыденном сердце осталось не больше корысти,
Чем в нежных снежинках, какими укрылась земля!

Хватило бы только терпенья... привычливой муки...
Загадочно, кругом, над лесом прошли журавли...
И вдруг померещилось, как незнакомые руки
Меня оторвали... прочь понесли от земли!..

Природа ждала появления снега,
Как ждёт подаянья оборванный нищий,
Как милости Божьей – несчастный калека,
Потративший вечность – на поиски пищи!
И снег снизошёл... Разукрасив пространство,
Прилёг на деревья, покатые крыши...
Матрос, встрепенувшись от чёрного пьянства,
Стоял на пороге и слушал... И слышал:
Смятенье распахнутой небу ольшины...
Храпенье гнедого в замызганном стойле...
Дыхание ровное сонной равнины...
Круженье неясности... Ветер на воле...
Полёвок движение к снопам перепрелым...
Души каботажной – к высоким пределам!

Сгусток сна, отголосок в ночи,
Дождь с утра барабанит по крыше,
Дед ворочается на печи,
Веселятся печальные мыши.

В неприметный, обыденный час
Не пришедшая вовремя слава
Простоит за спиной, горячась,
Ожидая в расплату – расправу.

Едкий дым исковерканных труб,
Подстропильные сгнившие брусья,
На прощанье слетевшее с губ
Междометие об Иисусе.

Я напрасно пытался понять
Небеса, покорённые тёрном...
И никак не хотел возвращать
Пядь земли обессиленным зёрнам.

Утомительна утлая мгла –
Как бельмо, как опара, как спаржа...
Как тупая с рожденья игла
На плацу отгремевшего марша!

Отпустите меня горевать,
Под любым бедовать небосводом,
Сердцу нечего больше имать,
Кроме нежной, презренной свободы!

Приключится какая беда
На осенней разбухшей дороге –
Одинокая в небе звезда
Мне наладит скрипучие дроги...

Оседлый табор – выжженной горе...
Я свиток журавлей прочёл и разом вычел
Оставшихся в кровавом ноябре
На островах прекраснейшей из Вычегд.

Скитаясь в закоулках старины
Страны, прочитанной, как новгородский берест,
Я вычел не явившихся с войны,
Я вычел тех, кто не сошёл на берег.

Я вычел не родившихся на свет,
Я вычел прозябающих без света...
Из ряда пролетающих комет
Изъял определённую комету.

Я вычитал – и множились гроба
Друзей, подруг, врагов остолбеневших...
Сама собою вырвалась судьба
Из крепких рук, от пота огрубевших.

Прошла любовь... Склонилась набекрень
Гнилая изгородь, пролили вёдра воду,
Навылет вычитался новый день,
Сквозные тучи шли по небосводу.

Едва я вычитания сложил,
Старуха-смерть споткнулась на пороге,
Кровь вылилась из вылуженных жил,
Исчезли поселенья и дороги.

Запропастилась в сумерках душа
И, корчась от обиды безобразно,
Рванула, отбивая антраша,
Крыла раскрыв почти крестообразно.

ЭЛЕГИЯ III

В дни ярмарочной осени, когда
Не знаю, что – но происходит с нами,
Позванивает глухо бубенцами
Лес, мне напоминающий шута
В огромном разноцветье лоскутов.
Облюбовав пространство до деревни,
Лес обрастает призраками снов,
Лес обнажает праздные деревья.

Лес, мне напоминающий шута,
Глядится в озеро пристрастно и нелепо,
Где отражаются дороги журавлей,
А участь парусящего листа,
Пожалуй, безымянней и страшней,
Чем участь зёрен под пятою цепа.

Так угрюм опустившийся вечер,
Холодна за обрывом река,
Что жалея о веке прошедшем,
Может, осень пришлёт ямщика.

Я б окликнул его при дороге,
На плече передёрнув суму,
За беседой о тутошнем Боге
Исповедал всю душу ему.

Он бы грянул унылую песню
Про купца и крестьянскую дочь –
Задрожали бы звёзды и веси,
Распрямилась тяжёлая ночь.

Но, с размахом, России присущим,
Люди льнут к постоянной земле...
Сожалея о веке грядущем,
Светлый месяц мерцает во мгле.

Черствеет небо на глазах,
Чернеют скошенные нивы,
За кругом круг, за взмахом взмах,
Заносчивы, нетерпеливы,
Посланцы севера – на юг
Летят... Раздолье опустело.
И дело делать недосуг,
И на сердце осиротело.

Податься в город?.. Жаль, сосед
Мотор от лодки не наладит.
Пешком?.. Желанья нет, как нет...
И доберёшься... на ночь глядя...
В голодном городе – тоска...
Сосед на днях посоветился,
Как впопыхах, у кабака
О том и сём договорился.

Мне было тягостно узнать,
Как, бросив дома поколенье,
Влачит гуляющая мать
Свою судьбу, в недоуменьи?
Душа черствеет на глазах,
Обременительны, угрюмы –
За кругом круг, за взмахом взмах –
Чернеют образы и думы.

Мороз попятился с полей как побирушка со ступеней с вязанкой хвороста обеспокоила скамью сложила руки на коленях вздохнула искренне о мире где звёзды так истончены глядят сквозь тучи над равниной те низко стелются любовь награда или наказание угли томятся в назиданье в печи всем любящим душа лепечет имя над огнём чуть слышно который год прошёл с тех пор как мы остались наедине я с тем что есть а ты с надеждою на то как будет дальше но скажи а ты уверена что будет ты прикоснись к тому что прежде звалось меж нами суетой сует безденежьем надеждой с последней слышишь сладу нет она зарёю ясной брезжит в груди обугленной очнись мы невозможны друг для друга...

ПРИТЧА

Игра есть у подростков на селе:
Картошину привязывают к нити,
Что явно имитирует во мгле
Стук в двери – с просьбою открыть их...

Хозяин спит... вдруг раздаётся стук...
Зажёгся свет, загрохотала утварь,
В лице – недоумение, испуг...
За дверью – то ли вечер, то ли утро.

Очнувшись, догадался: ребятня...
Наружу, с руганью: ужо, держитесь, черти!
Оглоблю выдрал с корнем из плетня,
Чем нас перепугал до полусмерти.

Мы шли домой, разбрасывая снег,
Надохотавшись, вымерзнув на воле...
А в это время странный человек
Пересекал мерцающее поле.

В оконце путник принялся стучать,
Прошение осталось без ответа,
Он что-то попытался прокричать
Губами, пересохшими от ветра!

Наутро шёпот слышался и стон:
В заулке – мёртвый, – плакалась Ненила...
Три долгих года, после похорон,
Сыра-земля картофель не родила.

Окончен сад,
Где падалица мрёт,
Где старый стол и табуретка,
Где червь отчаянно гнетёт
Тугое яблоко на ветке.
Последний плод мой, удержишь!
Чтоб знать все таинства на свете,
Знать, как отчаянную жизнь
Тряхнут распущенные дети...
Знать, как опальным вечерком
Любовник, страстью вдохновлённый,
Обшарит яблоко платком,
Как сердце девушки влюблённой!

Замрёт и канет ретивое,
А плод, как в немощном кино,
Любовник жаркою рукою
Отрёт о жёсткое сукно!
Узнать воров, что пробредут
По саду в поисках наживы,
Услышать листьев липкий зуд,
Корней мятущиеся жилы...
Как сад, уснувший на бегу,
Глухой расплатой за прозреньё
Упасть под ноги старику,
Что сучья клацает в поленья!

СТАРЫЙ ПОСАД

Когда-нибудь, в старом посаде
Столпотворенье народа –
Страницею школьной тетради,
Отсыревшей известью свода
Часовни пустой... журавлями,
Скользящими траурной парой,
Кронами... куполами...
Гниющей листвой, стеклотарой...
Дыханием женщины в ситце,
Чей вдох целовальный прохладен...
Мне выпадет не удавиться,
Не спиться в кромешном посаде.

Когда-нибудь в старом посаде
Очнусь безымянной травой,
Омою вечерней росой
Колени любимые тихо...
Когда-нибудь в старом посаде,
Услужливо и молчаливо,
Ветвями раскидистой ивы
Тебя упасу я от зноя...

Забота – простая разгадка
Любви неотступной, острожной,
Я отдал себя без остатка,
И больше отдать невозможно!
Ты слушай, родимая... слушай...

Когда после жизни очнёшься –
Губами ко мне прикоснёшься
И выпьешь счастливую душу.
Ты слушай, любимая... слушай...
Глухим увяданьем природы,
Цветком, что мальчишкой украден,
При гулком скопленье народа,
Когда-нибудь, в старом посаде.

Сегодня мне, как никогда,
Насвистывали коростели,
Блестела быстрая вода
Сквозь жалюзи келейной ели.

Деревня виделась чужой,
Я вышел из автомобиля,
Как долго, к родине спиной,
Я жил в роскошестве и пыли.

В меня нацелился закат,
Чей луч, холодный и колючий,
Упал на озимь, как солдат,
Как лист осиновый горючий!

А я торчал среди земли,
Потусторонней, неутешной,
Шестом, сверкающим вдали,
Перелетающей скворешней.

Как расплескавшийся затон
Вокруг пустых паромных сходен,
Я был ветрами угнетён,
Я был отвержен и свободен!

Слетелись вороны гурьбой
И разорались бесприютно,
Я ощущал душевный сбой
Рудиментарно, поминутно.

Туман сгущался... На душе
Слепая сеялась тревога,
Как на опасном вираже
Узкоколейная дорога...

Утилитарный, незабвенный,
Дожить до старости сумевший,
Под гнётом осени согбенный,
Подрубленный, осиротевший,
Пахнувший свежестью внезапно,
Кольнувший сердце без усилья,
Сад ветер выдохнул на запад
И журавлям расправил крылья!

Те обогнули окончность
Небес – и выправились выше...
Мгновенья праздновали вечность,
Стуча дождинками по крыше!
Прохожий выдворился на ночь,
Заскрежетала половица,
Пронзила сонный полустанок
Звезды обугленная спица!
Походкой страной и поспешной
Исчез в тумане за деревней –
Слезой Бога безутешной,
Листвой обугленных деревьев...

Я безупречно и бездарно,
Обидев родину жестоко,
Как смену бросивший напарник,
Измерил устье от истока!
Крест православный под солому
Сокрыл... и выбрался однажды
К... глубокому и голубому,
Не утоляющему жажды!

Пустынным жителям, под спудом
Невзгод, проблеял благочинно:
Не Иисусом, а Иудой
Гордится русская равнина!
Глядели гордые феллахи
На молодого страстотерпца...
И я... как голову на плахе,
Оставил дерзость иноверца.
Неисполнимую надежду,
Невосполнимую свободу,
Любовь, как ветхую одежду,
Швырнул под ноги скотоводу!
Переиначившись в Ахмета,
Прожил в объятых розы чайной...
И сдох, вблизи от Назарета,
Свалившись с лошади случайно!

Январский полдень сух и жилист.
Дышать морозно. За бугром
Берестяной дороги выверст
Уводит в ломкий бурелом.
Я повернул. Через овражье,
Целинный комкая покров,
Вошёл в селение. Однажды
Здесь люди наломали дров.
К избе приблизившись убогой,
Я дернул ставень за скобу,
На всякий случай, от порога
Ушанку снял, войдя в избу.
Звероподобное сознание
Здесь пировало... На столе
Не разлеталось мирозданье,
А грязно ёжилось в золе!
Наотмашь сломаны комоды,
Плевки в расщелинах окон...
Заплесневелые разводы
Там, где прибежище икон!
Чужой старик – я стал креститься –
Здесь жил, казалось мне, века...
Лежат, не прибраны, в светлице
Скупые кости старика.

Видит Бог, остерегает
Душу от потерь,
Во дворе собака лает,
На дворе апрель.
Не спеша сосулька тает,
Проседает снег,
С воскресенья умирает
В доме человек...
Плохо слышит, понимает,
Бога не зовёт,
Смутный шорох нарастает –
Смерть к нему идёт.
Шли бы, дети, солнце светит,
Полноте глазеть...
Кружки звякнули в буфете,
Ищет-рыщет смерть...
Тихо соль пересыпает
В ситцевый мешок,
Двери молча отворяет,
Чтобы видел Бог.

Забудь! Не вымолви меня,
Моё обшарпанное имя!
Как я седлал тебе коня,
Как ты коленями босыми
Облюбовала сухостой
В тени заброшенной часовни...
Текли над грешной головой
Твоей порывистые волны!
Горела юная звезда,
Стонала птица не однажды,
Нас изнуряла темнота
И долгое желанье жажды!
Набатный ветер тосковал
В часовне колоколом гулким...
Зима... отчаянье... провал
Холодных улиц... переулки...
Сгорай, последняя любовь,
Свечою бледной, законной,
Луною, вылуженной в кровь,
Ущербным нимбом над иконой!

Листва в эпоху ледников
Скрутилась в иглы... И сгодилась
Для веников... и для венков!
Я проходил, где мать крестилась,
Где свет часовенки глухой,
Как свет последнего чертога.
Деревья трогая рукой,
Я сыпал иглы на дорогу.
Дрожали ветви по пути,
Я не увидел, как иглою
Осуществилась на груди
Моей царапина... Рукою
Я вытер кровь... На мураву,
Шурша, упали крови капли.
Знакомый звук поднял сову
И клюв монументальной цапли.
Звук разбудил уснувший лес,
Луну, как лошадь с полдороги,
К обочине свернул с небес
И бросил озеру под ноги.
Зашлись, взахлёб, колокола
Часовни старой у овина,
Неясным светом зацвела
Давно сгоревшая рябина!

Я вытер кровь... весь мир умолк.
Мне стало жутко, неудобно...
Вдоль юных кладбищ крался волк
И озирался поминутно.

Мою разграбили часовню,
Сломали крест, проссали ров...
Я слыл достойней и духовней
Набитых нечистью козлов.

Я с детства был иных не плоше,
Я книги древние читал,
Загнав поэзию, как лошадь,
Пустым оставил пьедестал!

Не то, лежал бы у помойки
С дырой в башке, как твой дружок;
Свихнувшись, вздрачивал на койке,
Лосьон глотал на посошок!

Быть Четверговцевым не просто,
Поэт в России – не поэт...
Скорее, узник Холокоста,
С душонкой жалкой, на просвет!

ОТКРОВЕНИЕ СЕРГЕЯ ЧЕТВЕРГОВЦЕВА
(песнь предыдущая)

Над рекой стоял белёсый
Утренний туман...
Люди вышли на покосы,
Покосить дурман.

Павел Казарин

Когда засыпают звёзды
Над гладью родной реки,
Лугов бесконечных вёрсты
Застенчивы, глубоки...

Ловцами ночных жемчужин
Коралловых островов
Выходят косцы из хижин,
Глотая тенёта снов.

Рослы, опрятны, юны –
Мечтают о стороне,
Где радужные лагуны,
Жемчужницы где на дне...

Печёт островное солнце,
Чайки летят, крича,
Сердца ударяют в донце
Вечности, как в причал.

Как отступник, окольной дорогой
Возвращаясь, после странствий, домой,
Размечтаюсь, что выстрадан Богом
Для России моей день иной.

Озорные, кричальные птицы
Облюбуют подмости стрехи,
На деревьях застынет живица,
Остановится поступь сохи...

Лик осенних небес окровавлен!
Окровавлен Иерусалим!
Я вовеки и присно прославлен,
Как бездарный актёр пантомим!

Мне, Россия, с тобой не лукавить,
Мне тебя беспощадно терпеть,
Мне тебя от себя не избавить,
Мне любовью твоей не владеть!

Ты мне – всё! Пуще прочих вдовица!
Посреди пролетарских трущоб
Мне отчётливей, явственней снится:
Нам с тобой уготованный гроб.

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

Клён, кленёночек дрожит, во сыром саду,
Время тихое шуршит, как метель по льду.

Не пробраться за водой – снегу намело,
Окаянною травой проросло стекло.

Смерть в оконце постучит зимним вечерком,
Приласкает, пожурит – исподволь, тайком...

Не позволю никому заодно тужить,
Человеку одному легче смерть прожить!

Ты не зябни... не дрожи – клёночек, кленок...
Скоротали мы вдвоём тёмный вечерок.

Как объявится пора – сердцу замереть,
Отправляйся со двора надо мной шуметь...

1

В стенах тюремных библиотек
Есть Саша Блок, а есть спецблок:
Из предоставленных экзотик
Довольствуюсь подсчётом блох.
Определённая свобода –
Устало зырить в потолок,
Зима обуглилась у входа,
Опасной тенью из-под ног
Метнулась каторжная крыса
Через отверстие в полу...
Черчу на «решке» биссектрису:
Я в равнобедренном углу.

2

Свободы вещая тюрьма,
Пролитый Господом позёмок...
– Ты помнишь русские дома?
– Не помню, зёма.
Не помню лес, не помню снег,
Тебя не помню...
Петляет ночью человек
Тропинкой в омут.
Мне сказки Пушкин говорил –
Сосед в «психушке»,
Порхает пьяный Азраил,
У вязов ушки на макушке.

Изыди, ангел, я молю
В просвет решётки,
Руками бегло тереблю
Из шашек чётки.
Этап. «Столыпин». В полутьме
Наручник свёрстан,
Навзрыд, испачканы в дерьме,
Рыдают звёзды.
Над помутнением окна
Ревут метели...
В досадных ссадинах луна,
Как прыщ на теле.

3

Воля, воля... Ветер в поле,
Озерцо, дорога в лес...
Догнивает на приколе
Шестисотый Мерседес.
Ты б, Серёга, не лихачил,
Водку горькую не пил,
На соседских нарах – мальчик:
Он – ограбил, он – убил.
От назойливой наколки
Ноет правая рука,
Прозябаю век недолгий
За другого паренька.

Не спрячешь серую звезду
В подоле сигаретной пачки,
Она всё время на посту,
Всё время в поисках закладки.
Зачка – нежная душа
В дырявом теле...
Окалина карандаша,
Улика в деле.
Не до куренья мертвецу –
Наутро встать бы...
Жене заплаканной к лицу
Простое платье.

Темно в «столыпине», тепло
От полусонного дыханья,
Зэк-водолей берёт весло
И правит в бездну мирозданья,
Одно из чисел мартабря,
Год обезьяны...
Скоропостижная заря
Моей нирваны.
О, низвержение в Мальстрем!
Уключин стуки...
Я духом глух... я ликом нем,
Заведены за спину руки.
На вольном кладбище лежать –
Моё последнее прошение...
Где свет черёмухи, где мать,
Где неземное притяженье.

Мир не вращается, мон шер,
Попробуй, выключи объятья –
Не опрокинется фужер
Тебе на шёлковое платье.
Мир карамелькою сладящ,
Рыхл и утробен, как лазанья,
Как осетрины сочный хрящ,
Рождён болезнью осязанья.
Он был таким... и – был таков,
Отважной подлостью внезапен,
Обезображен для богов,
Обеззаражен, словно заперт.
Он жёстче хлещет, чем праща,
Он алчет зла, он рыщет крови,
Как Роднину, хочу вращать
Его я, с фигой наготове.
И даже звёзды, что царят
Над миром – тускло, равнодушно,
Мой не приковывают взгляд,
Как надоевшая игрушка –
Свисток под роспись Хохломы!
Как... Робеспьер на эшафоте!
Я взял у вечности займы,
Чтоб умереть, немного плоти.

ТЕБЕ... I

Мой праздный гений заточён,
Что может быть нежнее боли
Речной воды, что бьёт ключом,
Души, метущейся в неволе?
Нежнее нежности... твоих
Глаз, так нечаянно закрытых,
Дыханье страсти на двоих,
Тел, перетянутых, как свиток?
Я видел жизнь, как видят сон,
Судьбою прерванный внезапно,
Как свет вечерний из окон,
Осенний сад, как палисадник,
Как снег кристальной белизны,
Как наши тайные мгновенья...
Я не живу... я вижу сны...
Где нежность до изнеможенья.

ТЕБЕ... II

Я циркуль взял из готовальни,
Я начертил на небе круг,
Круг на столе, на шторах в спальне,
Круги на местности. Мой друг,
Влачась по замкнутому кругу,
Как по периметру тюрьмы,
Тебя, любимую подругу,
Я вспоминаю... Если б мы
Смогли понять остереженье,
Произнести наедине,
Что близость наша – поражение
На необъявленной войне...
Круги, круги перед глазами.
О чем желалось – не сбылось...
Хотел тебя представить маме,
Представлю Господу, авось.

В стране раскидистого кедра,
Где бродит призрак Матш Лооз,
Прикрыв рукой лицо от ветра,
Глубокими снегами полз
Я... местностью полупустынной,
Дыша опарою тайги,
Туда, где чисто и призывно
Сверкали горы, высоки...
Найдя избу, но не читальню,
Я расколол хрущатый лёд,
Возвёл огонь мемориальный,
Поставил кружку на комод.
Как дальний родственник селькупа,
Открыв с провизией мешок,
Я сделал вывод, что неглупо
Придумал окаянный Бог.
Убийцей слыть – не убивая,
Поэтом стать – признанья нет,
Счастливый, выйдя из трамвая,
На паперть выронил билет.
Наутро – в путь. Края Урала
Морозный сковывает сон.
Боль. Нищета. Душа устала,
Как небо, с четырёх сторон.

ТЕБЕ... III

Абиотической природы
Прими прощальные дары –
Остервенелые народы,
Потусторонние миры.
Вслед погибающим становьям
Деревья, скрытые во мгле,
В руинах снов средневековья
Протяжно стонут по земле.
Безликой тенью, не касаясь
Глухой поверхности пруда,
Я тороплюсь, как чёрный аист,
Прочь от родимого гнезда.
С усердьем радужной улитки
Штурмую кручи берегов,
Я – волчья сыть, я – скрип калитки,
Немая оторопь оков.
В моей душе, как в преисподней,
Клубится атомная взвесь,
Я – ратник в воинстве Господнем,
Архангел времени. Я есть.
Когда, мой друг, тебе не спится,
Забудь о книге на столе,
Отыщет нужные страницы
Моё дыхание во мгле.

Белая дорога. Чёрная тюрьма.
Вечер, свежесть стога,
Скромные дома...
Неизбежность неба,
Пролежни озёр...
Царствие Эреба.
Чуткий разговор:
Я не в силах, родной,
Ждать двенадцать лет...
Ясный, благородный,
Правильный ответ.

Мне дали лучшую охрану,
Под стать таланту и уму...
Приподнимаясь утром рано
И обращаясь к Самому,
Я не скулю о тяжкой доле,
О переломанной судьбе –
Рывками ветра в чистом поле
Мелькают мысли о тебе.
Фонтан черёмухой накрылся,
Устав от Сонькиных измен,
На пирсе Костя удавился,
Не видя в жизни перемен.

Под Ржевом и Бородиным,
На Калке, в зоновских бараках
Мы словно в очередь стоим,
Чтоб получить пинок под сраку.
Швырнув от злобы в унитаз
Клочок, исчерченный коряво,
Я слышал, как один из нас
Шепнул товарищу, что справа:
«Благословен и вечен рай...
Мы снизойдем туда»...
У входа,
Хлебнув параши через край,
Нас встретят: ангел и свобода.

ФРАНСУА ВИЙОНУ

Вийон, мой ангел, к сути сразу:
Поэт я русский, душегуб...
Втыкаю ключевую фразу,
Как шпору в лошадиный круп.
Ответ дай сходу. Без мороза.
Надеюсь, выскочишь к зиме,
Здесь льётся кровь, как льются слёзы,
С насущным скверно. А.У.Е.
Прочёл твои стихосложения,
Что ж... Ясность полная. Пишу.
В маляве чёткие движенья:
Откинусь к воле – приглашу.
Поля... дороги... сухость дёрна...
Стоп, чтоб не гнать порожняки:
Нас на одной осине вздёрнут.
Жму руку. Душу береги.

А.У.Е. – арестантско-уркаганское единство

Просто, невыразительно,
Словно сосновый лес,
Кладбище, где родители,
Луг, деревенька – без
Света, где отражения
Ландышей, камыша...
Где от прикосновения
Ветра болит душа.
Никнет к дороге таволга,
Иволга не поёт,
Я распрощался надолго,
Будто апрельский лёд,
С речкой, как речью плавною,
Всенощной, посевной...
С женщиною... а – главное –
Праведною душой.
Нервно и обескровлено,
Как тополя в мороз,
Небо, звезда над кровлею,
Флюгер – на зюйд, на ост...
Сор со двора не вымести,
Горя не исполать,
То, что пришлось мне вынести,
Право даёт писать:
«Господь, моё непослушанье
Скрепить скрижалью не спеши...
Прими, как нищий подаянье –
Огрызок проклятой души».

Молчат эдемские сады,
Кусты терновника и лавра –
Звезда Офелии, тень мавра –
Благоухают, как цветы.
В аду попархивает снег,
Дант и Гораций в первом круге,
Уединившись, на досуге
От скуки жарятся в блек-джек.
Замедлен Стикс, где полудико
Храпит Харон. На полпути
Морфей окутал Эвридику,
Зевает Цербер взаперти.
В подлунном – тайнопись восхода,
Кемарят птицы на столбе,
Смерть с упоением поодаль
Спит, неприметная толпе.
Укрылось эхо на просторе
Росой курящихся равнин,
Молоковоз, отгараторя,
Заглох без видимых причин.
Беззвучье – нежное до жути,
Клюют пролётами мосты,
Валун царит на перепутье,
Колодец в рот набрал воды.
Как рыба – нем – собор облезлый,
В гробу безмолвствует истец,
Его душою бесполезной
Обескуражен Бог-отец.
Запахло выпивкой и снедью,
Над ямой высится бугор...
Через чистилище – к бессмертью –
Приносит ангел приговор.

Не в саркофаге фараон –
Золотоносный мир,
Прогнулся к лесу небосклон,
Как школьный транспортир.
Хрустальной немощью оков
Подёрнулась река –
Вдоль темнорунных берегов,
Затем, что глубока.
В прозрачном воздухе – покой,
Доверчивость и тишь,
Звезда податливой рукой
Опёрлась о камыш.
Обеспокоенность в душе –
Не можно передать...
На предпоследнем рубеже
Не страшно умирать.

ПАСТОРАЛЬ

Высотный дуб: Гаргантюа,
Сосна: Пантагрюэль...
На берегу реки – стога,
За огородом – хмель.
Облюбовали сень лесов
Несметные стада.
Ручей глубокий бирюзов,
Полярная звезда...
Звени, свисти ущербный кнут!
Наигрывай, свирель,
Телячьей песенки маршрут:
Панта-тата-грюэль.
Среди крестьянок на бугре
Есть девочка-цветок:
Вьюнок, жеманница, кипрей,
Кувшинка... Василёк!
Она, как чудо из чудес,
Заглядывала вдаль
Глазами, полными небес,
Где радость и печаль.
Так длилось долго – много лет,
Наигрывай, свирель!
Однажды: Василинки – нет,
Панта-тата-грюэль.

Под грохот ливня, вой ветров
Сошла краса равнин...
Я видел много разных снов,
Но расскажу один:
Он равносилен, как тоска
По родине. Он чист,
Как злая пуля у виска,
Чей однозначен свист.
До скрипа выверен, как путь
Телеги на погост.
Он обволакивает грудь
Травую в полный рост.
Сон бесполезен, как вода
Морская – если пить,
Из ниоткуда в никуда,
Не вспомнить, не забыть.
Он появляется в ночи,
Как смерть, из-за угла,
Гремят ларцовые ключи,
Ломается игла.
Уходит сон – и на дворе
Меняется пейзаж,
Дворняга воет в конуре,
Невыносимо, аж!

ГЕНИЙ

Одoleваемый страстями,
Вернулся к вечеру домой
И разрыдался в руки маме
Неизъяснимою слезой:
Я – гений, мама, несомненно,
И представляешь, по пути
Найдя иголку в стоге сена,
Порвал рубаху на груди!
Смеялись родственники... Строго
Взыскали бабушка и мать:
Он разбросал травы полстога
И бойко научился врать.

Жизнь проста неспроста.
Я спустился во двор:
Юный месяц блистал,
Как столовый прибор.
Перекрасив сугроб,
Шёл сосед на бровях.
Воробьиный озноб
Расцветал на ветвях
Придорожных кустов...
У ребристой горы
Серебрился покров
Леденящей поры.
Дров по мере двойной
В печке русской сожгу,
Перед лютой зимой
Я в оплатном долгу.
Постучался сосед,
Разобул валенца,
Тупо щурясь на свет,
Стал канючить винца.
Дать бутылъ – не дойдёт,
Звать в избу – не с руки:
На устах его – мёд,
Под усами – клыки.
По фуфайке навоз...

Говорю, чтоб дошло:
Каждый тянет свой воз,
Водка – явное зло.
Извернулся, как тать,
Обнажая нутро:
В долг прошу поменять
Зло своё на добро.

Мне жутко нравится предмет
С названием: чёрная дыра...
Он как бы есть, и как бы нет —
Мне астроном твердил вчера.
Напоминает сей предмет,
Межгалактический пустяк:
Агонию души, поэт,
Чей свет иссяк.

ШАХМАТЫ

Позёмка белою подёнкой
Светлит окраину села,
Парник оторванною плёнкой
Шуршит, как мышь из-за угла.
Под взглядом снежной королевы
Я содрогаюсь, офицер,
Честь уронил, сходил налево,
На кой, не понимаю, хер?
Оставить лживые потуги,
Окончить грязную игру...
Духи знакомой вам подруги?
Явился пьяным поутру?
Предать Анафеме! Поспешно –
Изыди! – прочь от ваших глаз?
Я унтер-шашкой, вице-пешкой
Суровый выполню приказ.
Отбыть немедленно? Так точно-с...
Не строить рожи, как дурак...
Из сумки вытащить сорочку,
Переложить носки в рюкзак!
А сердце? Ясно, на помойку.
Любовь? Естественно – в расход!
Мне к вам приблизиться? Насколько?
– Насколько хочешь, идиот...

В общих чертах о погоде:
Холодно. Я одинок.
Месяц ущербный на взводе,
Словно ружейный курок.
В кольцах угарного дыма
Бледный Сатурн-самовар,
Ветрено. Неотвратимо.
Над перелесками – пар.
Снег под колёсами ёрзнул,
Лёд затрещал в берегу,
Остекленело и слёзно
Яблоки спят на снегу.

НА ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

Развиваются веи,
Забиваются сваи,
Изгибаются выи,
Да не здравствуют маи!
Медногубые тубы,
Краснобаи, как бабы,
Наступает на убыль
Листьев клёна ноябрь!
Только лето лениво,
До колен вдохновенно,
Как степенного пива
Постепенная пена.
В шумном сене муаровом
Уморительно морево!
Я – поэт, я не пара вам,
Лук вы ели на горево.
Притворяйтесь, творянствуйте!
Я – достоин учебников.
Вы пошто северянствуете,
Велемур ля Нахлебников?

Я адресую это вам,
Любезный Осип Мандельштам.
В пустотелой тюрьме
Темно глазу, когда
За этапом этап,
Чередой череда...
Кто во лжи, кто – во рже,
Кто с грехом пополам,
Как яйцо Фаберже,
Недостроенный храм.
Раз в неделю яйцо
Получаю, как зек,
Утирая лицо,
Кровью харкаю в снег.
А на Каме-реке
Не руками, а всяк –
Чешуя к чешуе –
Ловит рыбу рыбак.

Над просёлком убитым,
Над пригорком живым,
Белым цветом ракиты –
Дым, отечества дым.
Носим в пригоршнях горе,
На закукрах – беду,
Снится синее море
В сухопутном бреду,
Как восходят из мрака
Пеклеванной земли
Зёрна тучного злака,
Небеса, журавли...
Над опушкою леса
Необъятной страны,
Словно дуля обрезана,
Двоеточье луны.

Жизнь угасает в дымке лагерей...
Страницы дней восходят к предисловью,
Где я любил отчизну и людей,
Ступайте к Богу с этою любовью.

Меня попутал юркий бес,
Я сел на мель. На ИВС.
Не зарекаясь от сумы,
Я вплавь добрался до тюрьмы.
Тюрьма-старуха,
Дай погремуху.
На то без всякого резона
Призывно маякнула зона.
Намедни, с воли ложкомойка
Продефилировала бойко:
Нашла я чудо из чудес –
Достоинство, что в рот не лезет,
Ваш недомерок бесполезен,
Отправьте Богу смс
На всякий случай... Я подружку
Могу вам выложить в контакт,
Быть может, ваша безделушка
И соблазнит её, как факт.
Мечтать стараюсь о мечте,
Лепить из хлеба Галатею,
Назло назойливой звезде
Я дерзко нацеплю на шею
Парижский галстук. Наплюю
На ваши масляные рожи,
Гюрзою вылезу из кожи,
Я обещаю, мать твою!

Если с каждого зека собрать по маляве,
Получается целая куча маляв...
Я – ленинградец, сосед – из Телави,
По виду – грузин, а зовут Ростислав.
Брюнеткам предпочитаю блондинок,
Высоких и стройных... ему – всё равно,
Я был бизнесменом – в промышленный рынок
Вносил свою лепту, как ногу в говно.
Он рос рэкетиром, шмалял из нагана
В таких кровососов, ну, скажем, как я...
Мы – совесть централа, мы два уркагана,
Как здесь говорит воровская семья.
Играем в нардишки бессонные ночи,
Базарим о воле, глотаем чифир...
Мне нравится Куба, ему – город Сочи,
Где жизнь, как фуфайка, протёрта до дыр.
Моя погремуха – Сергей Каторжанин,
Его – Ростик Добрый, что верно, как ять.
На шмоне гвардейцы мобильник отжали,
Попробуем завтра обратно загнать.
Мы волю увидим годков через десять,
В Телави поедем, Иерусалим...
Нас было бы проще отчизне повесить,
А так – лет с десятков – ещё поскрипим...

Свирипеют свирели!
Нудно дудки дудят!
На Крещенской неделе
Клён морозом распят!
Выбит наземь, и мёрзнет,
Как ездок из седла,
Перелесок берёзы
На задворках села.
Стонут сосны в сторонке,
Сквозь просветы окна,
Вроде жёлтой воронки,
Проступает луна.
Ты январское лихо
Неспроста не буди,
Ты ко мне тихо-тихо
Подойди, посиди.
Постели мне, родная,
Напоследок постель,
Где у самого края
Завывает метель.

Я заблудился во Вселенной,
Ориентируясь с трудом,
Ищу по звёздам ночью, днём
Родную землю, квантодром.
Соринкой пляжа, каплей моря,
Отчаянно наперекор,
Иллюминаторы заштора,
Таращусь тупо в монитор
На межпланетные системы
Пятьсот одиннадцатый год...
Я составляю карты, схемы,
Грызу замёрзший кислород.
Черчу. Пульсируют квазары.
Я в коридоре – 2МЕ,
Лишь мяч, скользящий по спортзалу,
Напоминает о Земле.
Однажды в детстве я терялся
В голографических лесах,
Я маму звал – я испугался,
Не видя звёзды в небесах.
Цифрует спектры усилитель –
Моя окончена игра...
Души мятущейся губитель –
По курсу – чёрная дыра.

Знаю, как умирать,
Искренне и легко:
Надо утром не встать,
Выдохнув глубоко.
Расходятся голоса,
Словно круги по воде,
Нежно звенит коса
В радужной темноте.
Вспышки цветов. Поля,
Маленький человек...
Воля теперь моя
Не размыкать век.

Сумерки. Ветрено. Жёлуди
Сыплются – дробью – с дубов,
Брешет собака на холоде,
Щёлкают оползни дров
В печке нескладной поленницей...
Нудно скрипит журавель,
Месяц причудливый кренится,
Глухо бесчинствует шмель
Между оконными стёклами,
Перегорает фитиль,
Пахнет морковью и свёклою –
Лето сдаётся в утиль.
Ломкой прозрачную коркой
За ночь покрылись пруды,
В поле скороговоркой
Зайца петляют следы.
На отворотке – с полдюжины
Землю клюющих сорок,
Бор поперхнулся сконфуженно...
Дальше читай между строк:
Светка – иркутяночка – ковшиком по голове
Получила в баньке, за свои понты...
Помнишь ли ты, Светочка – кубарем в траве,
Сидя на моторочке, лежа у скирды?
Сто метелей минуло... Натё – письмецо!
Почерк – узнаваемый без труда:
Замужем, «GREENWOODSREAM» я лицо...
Ковшичек запомнила навсегда.

Это слизарен осени... тайна
В том, что смерть не придёт никогда...
Чуть коснулись друг друга случайно
Электрические провода.

Пахнет известью, невестью... грубо
Распоясались поле и лес,
Канул месяц, как лето, на убыль,
За подкладку дырявых небес.

Вжат и выжат, как вымя коровье,
Путь к околице... сывороть, зга...
Под навес прохудившейся кровли
Собрались на просушку стога.

Во дворе, как разъяснится: остов
Челнока... геральдический куст...
Рожь... побитые тлёю, как оспой,
Запотевшие рожи капуст.

Посиневшие астры, пионы...
Полусгнившие жерди, на слом...
Иногда: ворожба Гермионы
В купоросном саду наливном.

СОДЕРЖАНИЕ

Листья в путь собрались по просёлку.....	3
В мире холодно, словно пусто	4
Прежде, чем обратятся в пути	5
Виталии Романовой	6
Я не найду себе кладбище.....	7
Бор и поле сочувствуют взору	8
Как сволочь, волочится тьма.....	9
Остановись, где снег тяжёл.....	11
Стога, нахохлившись от стужи	12
Не дождь... ночь влагой моросит	13
День отошёл... Усопшей пашни	14
Я хочу, чтоб зимним утром	16
Лист опускается с одышкой	17
Вчера	18
Вечер зимний и тёмный – ни иголки, ни зги.....	20
Мне снится нежная пора	21
Выполов звёзды, пришёл.....	22
Давным-давно я слышу долгий скрип	23
Ночь опустилась на кровать.....	24
Близко время захода	25
Четыре осени запомнились душе	26
Переливаются люпины	27
Ноябрь за дворами. Дворы	28
Осыпается ветер пожелтелой листвой	29
Страшно, страшно.....	30
Понимая немного	31
Может быть, и ошибаюсь	32
Элегия I	33
В конце дождей становится жестоким.....	34
В глуши пролетарского рая	35
Гнездились солнце неспеша.....	36
Благоухала тишина.....	37
Я молился за тебя	38
Стансы.....	39
Не жаль умерших деревён.....	40
Отаборился: выпил, отдохнул.....	41
Ты сама виновата во всём.....	42

Я забыл, как бывает	43
Я боюсь, что ноябрь задует	44
В тишине этой редкой	45
Пронырливые звёзды	46
Когда межа засыплется листвою	47
Торжествовала темнота	48
Меня похоронит чужая семья	49
Мороз подкрался иноходью, поле	50
Скачет стук	51
Я не пишу о родине с тех пор	52
Если я не приеду весной	53
Осыпался дождём, опёршись о костыль	54
Ноябрь снег наспал. К обеду	55
Провожали меня в непроглядную ночь	56
По обе стороны дороги	57
Стихи Сергея Четверговцева	58
О, муза белого безлюдья!	59
Заиндедевские сады	60
Стать бы белой сиренью	61
Намело набело	62
Саднит приговорённое желтеть	64
Старая баллада	65
Звук изнуряющий, пустой	66
В осенний месяц скука ест	67
Снег идёт беспробудный	68
Осенняя песенка	69
Лес /аллегро/	70
Принимали соседей в дреколье	72
Звёздная рыбалка I	73
Осыпаются звёзды	74
Осталось время на ремёсла	75
Метелей первая трава	76
Зарыдаешь, Россия	77
Листва небес, как изморозь души	78
Элегия II	79
Нынче снег задержался надолго	80
Так бывает, когда	81
Поля замыганы до снега	82
Василёк	84

Выпившие люди	85
О, тёмная заповедь луга.....	87
Я отдаю свои стихи.....	89
Т.В.В.	90
Был день начала января.....	91
Бережённому – Бог – Бережок	92
Плохо. Горе пришло.....	93
Сегодня спятил рак	94
Не горит свеча Господня	95
Отважно приземлился жёлтый лист.....	97
В конце нерадостной недели.....	99
Дождь с полудня – на неделю	101
Белеет ад – на вологодской.....	102
Осинник жёлт. Зима не скоро.....	103
На крутом берегу – черносотенный лес.....	105
Привычно в пору ноября.....	106
Казался сумрачным в деталях.....	107
Гонкий ветер за старым двором.....	108
Потемнели верховья ольхи.....	109
Толкается промозглость в огороде	111
Крупней, чем ягоды калины.....	112
Звёздная рыбалка II.....	113
Из горького горя, досрочного зла	114
Мне цыганка гадает	115
Не так, как бывает обычно	116
Снега разбегались по кругу.....	118
Слепая ночь, как и пристало	119
Облетают листья, словно дранка с крыши	120
Я не люблю тебя, великая природа.....	121
Зачинщик осени – журавль	122
В дремотных заводях, где отблески заката	124
Весной затевается жизнь.....	125
Март – долгожданная осень	126
Дыханием полей.....	127
В прозрачном воздухе ни отзвука уже	128
Дорога правит на поклон.....	129
Оплавав осени причуды	130
В стороне одинокого неба	132
Осень брови наусупит	133

Осенний триптих.....	134
Стучался ветер-суховей.....	137
Пустошь	138
Надоедливый и однозвучный.....	140
Средь торжествующих полей.....	141
Мирской поры обычна суета.....	142
Есть обычные страшные дни	143
Открытое поле... и взгляд, отдыхая.....	145
Ехал дед на возу – заронил слезу.....	146
Ночь-полночью... И длятся бесконечно	147
Как вероломная солома	148
Снова вечер – куда мудренее утра	149
Крестьяне празднуют канун.....	150
Сегодня холодно... укройся.....	151
Как горсть песка, порой вечерней	152
Всё-то помнится мне витязь.....	153
Я в гости был соседом приглашён.....	154
Когда поля живут дорогой.....	155
Мне нравится осенняя пора	156
Я торопливыми шагами.....	157
Интеллигентные коровы.....	158
Рукой навылет... взглядом набекрень	160
Украинская прелюдия	161
На колья оград, и упавшие за вечер листья	162
Природа ждала появления снега.....	163
Сгусток сна, отголосок в ночи	164
Оседлый табор – выжженной горе	166
Элегия III.....	168
Так угрюм опустившийся вечер	169
Черствеет небо на глазах	170
Мороз попятился с полей	171
Притча	172
Окончен сад	173
Старый посад.....	174
Сегодня мне, как никогда	176
Утилитарный, незабвенный.....	178
Январский полдень сух и жилист.....	180
Видит Бог, остерегает	181
Забудь! Не вымолви меня.....	182

Листва в эпоху ледников	183
Мою разграбили часовню	184
Откровение Сергея Четверговцева	185
Как отступник, окольной дорогой	186
Зимняя песня	187
В стенах тюремных библиотек	188
Темно в «столыпине», тепло	191
Мир не вращается, мон шер	192
Тебе... I	193
Тебе... II	194
В стране раскидистого кедра	195
Тебе... III	196
Белая дорога. Чёрная тюрьма	197
Мне дали лучшую охрану	198
Под Ржевом и Бородиным	199
Франсуа Вийону	200
Просто, невыразительно	201
Молчат эдемские сады	202
Не в саркофаге фараон	203
Пастораль	204
Под грохот ливня, вой ветров	205
Гений	206
Жизнь проста неспроста	207
Мне жутко нравится предмет	209
Шахматы	210
В общих чертах о погоде	211
На Игоря Северянина	212
Я адресую это вам	213
Над просёлком убитым	214
Жизнь угасает в дымке лагерей	215
Меня попутал юркий бес	216
Если с каждого зека собрать по маляве	217
Свирепеют свирели	218
Я заблудился во Вселенной	219
Знаю, как умирать	220
Сумерки. Ветрено. Жёлуди	221
Это слизарен осени... тайна	222

Пахомов Сергей
По обе стороны дороги
Книга первая
ЗАТМЕНЬЕ ЛИСТЬЕВ

Литературный редактор и корректор Нина Писарчик